

НАТАЛИЯ СОТНИКОВА

Графиня Дюбарри

*Интимная
история
фаворитки
Людовика XV*

Наталия Сотникова

**Графиня Дюбарри. Интимная
история фаворитки Людовика XV**

«Алгоритм»

2018

УДК 616.89
ББК 88

Сотникова Н. Н.

Графиня Дюбарри. Интимная история фаворитки Людовика XV /
Н. Н. Сотникова — «Алгоритм», 2018

ISBN 978-5-907024-15-1

Невзирая на редкую красоту, судьба не сулила радужного будущего Жанне Бекю, незаконнорожденной дочери деревенской швеи и монаха-францисканца. Во Франции XVIII века считалось непреложной истиной, что пригожие дочки бедняков предназначены исключительно для ублажения прихотей знатных господ. Эта участь не миновала и Жанну, с юных лет попавшую в лапы светского авантюриста и сводника Жан-Батиста Дюбарри. Она заработала славу самой вожделенной куртизанки Парижа и, в конце концов, стала официальной любовницей стареющего короля Людовика XV. Как удалось Жанне занять место, пустовавшее после кончины несравненной «королевы рококо», всесильной маркизы де Помпадур? Почему самый взыскательный двор Европы смирился с присутствием бывшей куртизанки? Что привело дочь народа на гильотину, на которой в годы Великой французской революции казнили в основном аристократов? Отчего до сих пор столь диаметрально противоположны суждения об этой женщине? Вы познакомитесь с подлинной историей королевской фаворитки, прочитав эту книгу, первую в России, посвященную необыкновенной истории взлета и падения графини Дюбарри.

УДК 616.89

ББК 88

ISBN 978-5-907024-15-1

© Сотникова Н. Н., 2018

© Алгоритм, 2018

Содержание

Вместо предисловия	7
Путь в Версаль	9
Ангел во плоти	9
В людях	14
Парижские тайны	19
Неукротимый гасконец	21
Пуп королевства	29
Детские и юношеские годы Людовика XV	37
Превратности королевской любви	39
Нимфы «Оленьего парка» и поиски истинной любви	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наталия Сотникова
Графиня Дюбарри. Интимная
история фаворитки Людовика XV

В оформлении обложки использована репродукция картины Ф.Ю. Друэ «Портрет графини Дюбарри в виде Флоры»

Вместо предисловия

Давным-давно, еще в эпоху так называемого развитого социализма, попала мне как-то в руки небольшая книга писательницы Галины Серебряковой «Женщины эпохи Французской революции». Десять новелл о судьбах самых разных женщин, которым выпала судьба жить (а некоторым – и умереть) среди бурь этого крупнейшего катаклизма восемнадцатого века, не претендовали ни на глубину, ни на точность исторического исследования, однако давали безапелляционную оценку всем героиням. С девятью женщинами вроде бы все было понятно, но вот относительно Жанны Дюбарри меня почему-то обуряли некие сомнения.

Полагаю уместным сделать здесь отступление, ибо современному читателю имя Галины Иосифовны Серебряковой не говорит ничего, да и большинству нынешних литературоведов, надо думать, оно неизвестно и не пробуждает у них никакого интереса. Однако в 60-е и 70-е годы двадцатого века трилогия Г.И. Серебряковой о К. Марксе и Ф. Энгельсе издавалась в Советском Союзе тиражами в сотни тысяч экземпляров, ибо полностью соответствовала требованиям идеологически выдержанного литературного произведения. Жизнь самой Серебряковой (1905–1980) была чрезвычайно насыщенной событиями в духе того времени. Родилась в семье родителей-революционеров, в 1919 году вступила в РКП(б), немедленно сбежала на фронт, затем в 1920–25 гг. обучалась на медицинском факультете МГУ, дважды выходила замуж, оба раза за видных большевистских деятелей, Л. Серебрякова¹ и Г. Сокольников². В 1936 году началось ее хождение по мукам сталинских репрессий, в результате которых Серебрякова потеряла мужа и отца, пять раз подвергалась аресту, извела лагеря, и ссылки, но в 1956-м была полностью реабилитирована. Как видно из счастливой судьбы трилогии о К. Марксе, писательница полностью владела партийно-классовым подходом к изображению своих героев. Почему же она не применила этот беспроигрышный метод при создании образа мадам Дюбарри?

Историю девушки из простонародья, поднявшейся до всесильной фаворитки предпоследнего короля Франции Людовика XV можно сравнить только с судьбой цирковой наездницы Феодоры, ставшей женой императора Юстиниана. Но по приговору того же народа графиня Дюбарри, женщина уже немолодая и вроде бы далекая от политики, была казнена. Г. Серебрякова с самого начала определяет отношение к своей героине, безапелляционно наклеив на Жанну Дюбарри ярлык «жадной, распутной и бездушной проститутки из кабачка».

Надо сказать, что в СССР как рабочее, так и крестьянское происхождение, в особенности в послереволюционный период (а книга была написана в 1929 году и несколько раз переиздавалась вплоть до 1964 года), служило индульгенцией от всех грехов. Если девушка стала проституткой – значит, к тому ее вынудили неумолимые обстоятельства жизни в обществе бесчеловечной эксплуатации, и она достойна сочувствия, но отнюдь не порицания. Почему

¹ Леонид Серебряков (1888–1937) – видный деятель большевистской партии, занимал многочисленные посты в политуправлении Красной армии и правительственных органах, последний пост – зам. наркома путей сообщения. Репрессирован, впоследствии реабилитирован.

² Григорий Сокольников (1888–1939) – видный государственный деятель СССР, занимал должности наркома финансов, полпреда СССР в Великобритании, зам. наркома иностранных дел, наркома лесной промышленности. Репрессирован, впоследствии реабилитирован.

Серебрякова так ополчилась на дочь народа, мне было как-то не совсем понятно. Дело, к сожалению, заключалось в том, что в ту пору ничего другого о мадам Дюбарри узнать было невозможно.

Минуло немало лет. Упал железный занавес, по роду своей работы я объездила почти всю Западную Европу и из каждой командировки привозила пару-тройку книг по обожаемой мною истории. Наконец, начали попадаться мне издания и о графине Дюбарри. К своему удивлению, я узнала, что даже на родине графини мнение о ней бытует далеко не однозначное. Ныне же постепенно укрепляется убеждение историков в том, что современники отнеслись к ней слишком пренебрежительно, не уделили должного внимания ее судьбе, не оценили всю глубину драмы дочери народа, вознесшейся до положения королевы и отправленной на эшафот этим же самым народом. Чем дальше уходит от нас день ее казни в промозглых декабрьских сумерках 1793 года, тем все больше создается книг о мадам Дюбарри, повествующих о женщине, которой в течение всей жизни приходилось не раз расплачиваться за редкую красоту, дарованную ей.

Не остались в стороне и другие жанры искусства. В конце XIX века на сцене имела большой успех оперетта популярного австрийского композитора Карла Милёккера «Мадам Дюбарри» (1879), экранизированная в 1951 году. Первый художественный фильм о графине был снят известным немецким режиссером Эрнстом Любичем, можно сказать, на заре игрового кинематографа, в 1919 году. Надо заметить, что трактовка ее образа в киноработах мне также представляется весьма спорной. В фильме Софии Копполы «Мария-Антуанетта» (2006) графиня, злобная интриганка, в исполнении итальянки Азии Ардженто ни по внешности, ни по характеру не имеет ничего общего с реально существовавшей личностью. После ознакомления со всеми этими произведениями мне также захотелось попробовать разобраться в тех фактах ее жизни, которые более или менее точно известны историкам.

Путь в Версаль

Ангел во плоти

«Среди них (девиц в кабачке на окраине Парижа) красотой выделялась Жанна Бекю, прозванная Ангелом, девушка добродушная, румяная и глуповатая. Дочь трактирной служанки и монаха, она выросла среди винных луж, спотыкаясь о пьяные тела, засыпая в хмельных парах». (Г. Серебрякова «Жанна Дюбарри»)

19 августа 1743 года в унылом заштатном городке Вокулёр, расположенном в Шампани на границе с Лотарингией³, у тридцатилетней швеи Анны Бекю-Кантиньи родилась девочка. В тот же самый день ее окрестили Жанной, согласно обычаю, по имени крестной матери, некоей Жанны Бирабен. В регистрационной книге церкви Вокулёра стоят лишь подписи vicария и крестных родителей, об отце нет и помину: девочке с момента появления на свет было суждено нести на себе клеймо незаконнорожденной.

Современники и историки практически едины в своем мнении: отцом малышки был Жан-Батист Гомар де Вобернье, монах братства Пикпюс, которое имело в Вокулёре свой монастырь. В миру он был известен как «брат Анж⁴». Видимо, монах поддался соблазну и не смог устоять перед пышными формами тридцатилетней швеи, подрубившей в монастыре подола и рукава подрясников и стихарей. Впоследствии он перебрался в Париж, где служил в церкви богатого прихода Св. Эсташа, и в течение всей своей жизни не порывал связи с Анной Бекю.

Было трудно устоять перед красотой членов семейства Бекю, которую они унаследовали от своих предков. Их дед, простой парижский мясник, содержавший лавочку в Париже в правление Людовика XIII, считался одним из самых красивых мужчин своего времени. Его сын Фабьен заправлял харчевней и каким-то образом привлек своей внешностью внимание знатной вдовы, графини Мондидье де Кантиньи. Слышавшая оригиналкой аристократка зашла в своем увлечении настолько далеко, что сочеталась с красавцем-трактирщиком законным браком. Семейная жизнь, увы, продлилась недолго: супруга вскоре скончалась, оставив вдовцу в наследство ужасно запутанные имущественные дела. Единственное, что вынес из этого горького опыта молодой человек, было знатное имя древнего лотарингского рода Кантиньи, которое он и присвоил себе, не имея на то никакого права. Страсть французов облагораживать свое незавидное происхождение всегда была притчей во языцех среди прочих европейских народов. Поскольку надо было каким-то образом обеспечивать свое существование, Фабьен Бекю-Кантиньи поступил на службу поваром к графине Изабель де Людр, которая в ту пору непродолжительное время состояла в любовницах короля Людовика XIV. В 1680 году звезда мадам де Людр закатилась, и ей пришлось отправиться в изгнание в свой замок в глуши близ Вокулёра, прихватив с собой кое-кого из прислуги, включая повара. На новом месте Фабьен сошелся с

³ Лотарингия, ныне часть Франции, тогда еще была независимым герцогством.

⁴ По-французски означает «ангел». Поскольку, по-видимому, в такой дыре как Вокулёр все тайное немедленно становилось явным, малышку чуть ли не с самого рождения стали называть «Ланж» (l'Ange), впоследствии Жанна часто называла себя «мадмуазель Ланж».

одной из служанок графини, Жанной Юссон, на которой и женился в 1693 году, когда поступил на службу метрдетелем к другому знатному лотарингцу, г-ну де Рорете. Его замок располагался по соседству не только с владениями графини, но и с деревушкой Домреми, родиной Жанны д'Арк. Впоследствии кое-каким остроумцам нравилось сравнивать судьбу двух Жанн, родившихся в этих благословенных местах, из которых одна способствовала спасению французского королевства, другая же ускорила его падение.

Господь благословил супружескую чету Бекю-Кантины тремя сыновьями и четырьмя дочерьми, причем дети с колыбели отличались броской внешностью. Все они употребили этот свой единственный капитал с выгодой для себя: одна из дочерей вышла замуж за владельца гостиницы, вторая – за булочника, а Элен и сыновья отправились попытать счастья в Париже. Не сказать, чтобы судьба особо вознаградила их ожидания, но им удалось занять высшие позиции в иерархии скромного, но весьма престижного мирка парижской прислуги. Получившая в своем квартале прозвище «прекрасная Елена», исключительно степенная и рассудительная Элен стала горничной жены королевского библиотекаря, академика Биньона. Лакеев тогда выбирали по росту и представительной внешности, так что всем троим сыновьям, благодаря своим статям и отменным манерам, удалось устроиться в услужение в самые аристократические дома: Шарлю – к тестю Людовика XV, бывшему польскому королю Станиславу Лещинскому, Николя и Жану довелось послужить у герцогини д'Антен, герцога де Грамон, графа д'Эстре и даже маркизы Помпадур. Среда в благородных особняках была совершенно иная, нежели у простых буржуа. Ливрейные лакеи щеголяли в костюмах из шелка и бархата, отделанных кружевом и золотым галуном, иногда их даже снабжали шпагами! Неудивительно, что подобных лакеев, случалось, принимали за дворян. Уместно будет заметить, что, когда графиня Дюбарри воцарилась в Версале и обзавелась обширным штатом прислуги, она весьма гордилась тем, что в нем состояли «шестеро самых красивых лакеев, которых только можно было найти».

Почему Анна, единственная из детей Фабьена, не сумела использовать себе во благо дарованную ей небесами красоту, навсегда останется для нас загадкой. Ремесло швеи оплачивалось чрезвычайно скудно, прожить на такой мизер было практически невозможно, так что ее репутацию сгубила либо склонность к галантным похождениям, либо необходимость обеспечить себе и дочери сносное существование. В Вокулёре размещался военный гарнизон, поэтому недостатка в желающих воспользоваться ее благосклонностью, Анна, по-видимому, не испытывала. Надо полагать, наличие одного внебрачного ребенка местное общество скрепя сердце еще стерпело, но, когда в феврале 1747 года швея разрешилась от бремени сыном Клодом, жизнь ее существенно осложнилась. Оставаться и далее в этом захолустье означало обречь себя и детей на повседневные унижения и беспросветную нищету. Однако судьба смилостивилась над неудачницей, послав ей спасителя в лице генерального интенданта гарнизонов восточной Франции, некоего господина Бийяр-Дюмусо (по некоторым источникам Дюмонсо), посетившего с инспекцией местный полк. Кроме этой должности он занимал еще и пост казначея ратуши Парижа, что было чрезвычайно доходным местом и обеспечивало ему завидное положение в привилегированной сфере финансовой верхушки столицы. Каким-то образом жизненные пути Бийяр-Дюмусо и прекрасной матери-одиночки пересеклись, чиновник был растроган ее тяжким положением и решил, как выражались в те времена, принять в ней участие. Он посоветовал Анне отправиться в Париж, посулив свое покровительство.

В Париже Анна первоначально нашла приют у своей сестры Элен, поскольку в столице, где примерно треть детей была рождена вне брака, на ее прошлые прегрешения в провинции общество было склонно смотреть сквозь пальцы. К тому же младенец Клод вскоре отдал Богу душу, тем самым существенно облегчив жизнь матери. Господин Бийяр-Дюмусо сдержал данное им обещание и устроил Анну поварихой к своей любовнице, актрисе-итальянке Франческе, ибо швея в полной мере унаследовала выдающиеся кулинарные таланты своего отца.

Поскольку красавица Франческа вела довольно свободный образ жизни, вполне вероятно, что поварихе было вменено в обязанность выполнять не только свои непосредственные обязанности, но еще и шпионить за хозяйкой.

С самых первых дней своего существования на этом свете Жанна Бекю, или Ланж, выделялась редкой красотой. Жизнь в Вокулёре была тяжелой, но, судя по всему, Анна прилагала все усилия, чтобы по возможности скрасить убогий быт своей неполной семьи. Во всяком случае Жанна была очень привязана к своей матери и на протяжении всего своего жизненного пути чрезвычайно заботилась о ней. Красота девочки приводила в восторг как господина Бийяр-Дюмусо, так и его любовницу. Интендант обеспечивал Франческе роскошное содержание, и в этом доме Жанна впервые узнала, что такое красивая мебель, модная одежда, хороший выезд, изысканный стол. Актриса наряжала Жанну как куклу, интендант, который на досуге баловался живописью, писал с нее портреты пастелью в стиле Буше, изображая очаровательную малютку то в виде нимфы, то купидона.

Тем временем Анна решает, наконец-то, устроить свою личную жизнь. В июле 1749 года она выходит замуж за Николя Рансона, человека незначительного, безобразного, с лицом, изрытым оспой, к тому же моложе ее. Господин Бийяр-Дюмусо не оставил молодых своим вниманием и пристроил новобрачного каптенармусом склада поставок для острова Корсики. В ту пору остров еще принадлежал Генуэзской республике, но на нем начались волнения с требованиями предоставить этой территории независимость. Франция, проявив завидную расторопность, постаралась не остаться в стороне с тайным намерением прибрать остров к рукам. По просьбе республики туда был направлен экспедиционный корпус с задачей подавить смуту, наводимую сторонниками независимости. Снабжение корпуса провизией являло собой поле деятельности, завидное с точки зрения извлечения незаконных доходов. Естественно, ловкие дельцы не упустили возможность выловить недурную рыбку в мутной водичке и заработать на этой затее королевства хорошие деньги.

«Жанна Бекю очаровала короля грубой простотой, невежеством...»

Невзирая на то, что новая должность главы семейства гарантировала некоторую стабильную обеспеченность, родители были не в состоянии дать Жанне образование. Традиционно считается, что именно Франческа настояла на том, чтобы господин Бийяр-Дюмусо оплатил обучение девочки в монастыре – единственном учебном заведении, куда можно было поместить в то время отпрыска женского пола. Была выбрана – не без участия отца Жанны, брата Анжа, который к тому времени уже проповедовал в парижском приходе Св. Юсташа, – обитель Св. Ора, в которую еще не проникли новомодные веяния в виде преподавания танцев и великосветских манер. Первоначальной целью учреждения монастыря было «предоставление убежища для молодых девушек сего прихода, коих нужда толкнула на стезю распутства». В 1723 году задачей общины стало «обучение юности отправлению религиозных обрядов христианской набожности и работам, подобающим женщинам». Хотя годовой курс обучения пансионерки стоил от двухсот пятидесяти до трехсот ливров (некоторые более аристократические монастыри взимали плату до тысячи ливров), даже такая сумма для супругов Рансон была не по карману.

Обитель насчитывала с полсотни монахинь и сорок пансионерок. Все подчинялось практически военному распорядку. Девочек будили в пять утра, в семь часов начиналась заутреня в церкви. На обед выводили в одиннадцать часов, на ужин – в шесть, а в девять воспитанницы отходили ко сну. Головки пансионерок покрывали накидки из черной кисеи, лоб стягивала лента из грубой ткани, нагрудник не был накрахмален, платье сшито из грубой белой саржи, на ногах красовались топорно стачанные башмаки из желтой телячьей кожи. В холодное время года выдавалась небольшая накидка. Зимой отапливались только учебные классы; в дортуарах

и трапезной царил ледяной холод, а посему окна никогда не открывались, и в помещениях стояла удушливая вонь.

Тем не менее девятилетнее пребывание в монастыре сформировало многие черты характера будущей фаворитки. В первую очередь оно привило ей искреннюю приверженность к религии. Особы легкого поведения, наделенные большой набожностью, в ту эпоху были не таким уж редким явлением. Вера в Бога тогда являла собой неотъемлемую составляющую человеческого бытия, и по историческим свидетельствам известно, как самые разные женщины нередко истово молились перед совершением плотского греха, уповая на его отпущение. Во всех поместьях мадам Дюбарри по ее распоряжению непременно воздвигалась часовня, и почти каждое утро графиня посещала службу. Ее религиозность не была показной, она проявлялась через бесчисленные акты благотворительности, совершаемые ею в отношении нуждавшихся и преследуемых. Религия научила ее смирению, покорности воле Божией, и никогда, даже на самой вершине своего успеха, Жанна не проявляла и тени высокомерия. Не известно ни единого случая, чтобы графиня устыдилась низкого происхождения своих близких, напротив, всегда привечала их и оказывала им всяческую помощь. Даже враги фаворитки признавали ее доброту и незлобивость. Незыблемо укоренившиеся в ее душе христианские ценности помогли Жанне выработать железную выдержку, непринужденность и тонкость обхождения, покоровшие наиболее взыскательный королевский двор Европы и снискавшие ей такой успех в Версале.

Что касается светского образования, то пансионеров учили правописанию, чтению, счету, истории, ведению хозяйства, рисованию и музыке. Монастырь привил Жанне любовь к чтению, которая не оставляла ее до последних дней. Показательно, что любимым автором мадам Дюбарри был Шекспир, хотя в библиотеке ее замка Лувесьен рядом с серьезными трудами по истории и литературе соседствовали эротические сочинения. Она будто бы была знакома и с античными авторами, но сомнительно, что ее увлекало чтение произведений Цицерона или Демосфена, как то утверждали некоторые историки.

У девочки выработался изящный почерк, пожалуй, слишком уж убористый; орфография и грамматика, хотя и не идеальные, были, по мнению историков, ничуть не хуже, чем у дам, выступавших в роли хозяек литературных салонов и покровительниц искусств. Как и все они, Жанна вполне сносно освоила мастерство владения пером. Ее письма, оснащенные витиеватыми литературными оборотами, свойственными изысканной учтивости восемнадцатого века, всегда исполнены достоинства.

Что же касается рисования и пения, именно рисование воспитало у будущей фаворитки безупречный вкус и стремление покровительствовать искусствам. Даже в горькую годину своего изгнания она не прекращала выплачивать стипендии слушателям школы рисования.

Никаких достоверных данных о пребывании Жанны в монастыре не имеется, ибо вся документация обители была утрачена. Предположение, что обучение в монастыре не оставило у нее приятных воспоминаний, основано на том, что впоследствии при всей своей обширной благотворительной деятельности она ничего не принесла в дар общине Св. Ора. Клеветники, тщившиеся всячески опорочить графиню, пытались распускать слухи, что она была с позором изгнана из монастыря, поскольку приносила туда книги непристойного содержания. Историки считают эти утверждения маловероятными. Во всяком случае, за девять лет обучения девушка вполне усвоила основы воспитания барышни из буржуазной семьи.

В возрасте пятнадцати лет Жанна покидает монастырь и возвращается к матери, все еще продолжавшей трудиться на кухне мадам Франчески, любовницы господина Бийяр-Дюмусо. Вполне возможно, что причина преждевременного ухода была более прозаичной: просто щедрый покровитель прекратил вносить плату за обучение девушки. Вполне возможно, что он сделал это по настоянию любовницы. Франческе нравилось возиться с очаровательной живой куклой, когда та была несмышленной малышкой. Теперь Жанна превратилась в ослепительную

красавицу. Тут следует сказать, что природа наделила ее к тому большим преимуществом. Известно, что понятие красоты чрезвычайно варьируется в различных эпохах, у различных народов и в различных социальных слоях. Так вот, в XVIII веке во Франции на звание красавицы могла претендовать только блондинка. Немаловажную роль играло и то, что при тогдашнем неважном состоянии гигиены у людей весьма прискорбно обстояли дела с наличием зубов: лишь немногие могли похвастаться даже в молодости здоровыми зубами. Ну а в преклонном возрасте их сохраняли буквально единицы (именно этой причиной историки объясняют факт, почему на портретах той поры художники столь редко изображали улыбающихся людей). Однако крепкое здоровье Жанны позволило ей надолго сохранить ровные зубы. Вот как описывал ее в своих «Воспоминаниях» принц де Линь⁵, познакомившийся с ней немного позднее: «Росту она была высокого, сложения превосходного, восхитительная блондинка, чистый лоб, красивые глаза и равным образом чудесные ресницы, прелестный овал лица с крошечными родинками на щеке, придающими ей несравненную пикантность; ротик с игривой улыбкой, изумительная кожа, грудь, совершенство коей удерживало от искушения прибегать к каким-либо сравнениям». Красота же Франчески увядала, а потому она отчаянно боялась появления в доме юной соперницы. Хозяйка начала придирается к матери девушки, тем более что та явно была не без греха. Во-первых, ей поставили в вину частые посещения брата Анжа (если кто-то запамятовал – предполагаемого отца Жанны), невзирая на уверения мадам Рансон, что монах навещает ее исключительно на предмет душеспасительных бесед. Во-вторых, как и любая нечистая на руку прислуга, повариха не упускала случая слегка надуть хозяйку при закупке провизии. Франческе удалось добиться от любовника увольнения плутоватой служанки, и перед семейством Бекю встал сложный вопрос: каким образом устраивать судьбу прекрасной Жанны?

⁵ Принц де Линь, Шарль-Жозеф (1735–1814), маршал Франции, – военный, дипломат и литератор, один из лучших мемуаристов восемнадцатого века и неисправимый повеса.

В людях

На семейном совете с участием сестры и братьев «прекрасная Елена» предложила отдать племянницу в обучение парикмахерскому мастерству к молодому, но подающему большие надежды «тупейному художнику» по фамилии Ламец. Его услугами пользовалась хозяйка Элен, и он как раз подыскивал себе ученицу. Перспективы этой профессии выглядели чрезвычайно заманчиво: по окончании обучения девушка сможет с полным правом посещать дома знатных дам, соприкасаться с их частной жизнью, возможно, стать поверенной в их тайнах, и, даст Бог, ей повезет обрести себе богатого покровителя. В то время считалось непреложной истиной, что привлекательные девушки из бедных семей самой судьбой предназначены для ублажения богатых господ.

Итак, в декабре 1758 года Жанна поселилась в квартире парикмахера и своей красотой внесла вклад в процветание его дела, ибо число клиентов значительно возросло. Естественно, Ламец по уши влюбился в свою пленительную ученицу и не жалел денег на ее содержание. Жанна наряжалась по последней моде, посещение балов перемежалось визитами в театры. В конце концов, мастер парикмахерского дела разорился и был вынужден бежать от преследования кредиторов за границу, где его профессиональные таланты определенно не позволили ему умереть с голоду.

Жанна вернулась в отчий дом, но история с влюбленным куафером на этом не закончилась. В дом, где проживала семья Рансон, 17 апреля 1759 года заявила мать Ламеца, обуреваемая гневом в отношении девицы, растранившей средства ее дражайшего сыночка. Поскольку сама Жанна отсутствовала, незваная гостья со всей своей яростью напустилась на ее мать. Она обозвала ее «растлительницей молодых людей, сводницей, распутницей» и обвинила в том, что ее «дочь-проститутка промотала все денежки ненаглядного сыночка». Попытки мадам Рансон урезонить взбешенную вдову не имели успеха, и она выставила эту мегеру за дверь. Вопли выведенной из себя женщины разнеслись по всему дому; мать Ламеца и не думала успокаиваться, а заняла позицию в лавочке торговца фруктами напротив, время от времени во все горло выкрикивая оскорбления в адрес мадам Рансон. Наконец, появилась сама виновница бурного проявления чувств пришелицы. Мадам Ламец подобно фурии вылетела из лавочки, вцепилась ей в руку и осыпала проклятиями эту «распутницу, проститутку, плутовку», угрожая отправить ее в больницу для падших женщин, страдающих дурной болезнью. Невозмутимость, столь восхищавшая придворных в Версале, уже тогда не изменяла Жанне: девушка попыталась успокоить возмущенную даму, но не преуспев в этом, ровно тем же спокойным шагом проследовала к себе домой. Мадам Ламец не успокоилась и всю вторую половину дня провела в лавочке напротив дома, время от времени выскакивая на улицу и во всеуслышание изливая свой гнев на эту «растлительницу молодежи, сводню». Обеспокоенные перспективой потери репутации, сего единственного капитала бедняков, и по наущению мужа мадам Рансон в сопровождении дочери направилась к комиссару квартала и подала жалобу на мадам Ламец за клевету. Тронутый невинным видом и красотой юной Жанны, представитель власти счел возмущение оскорбленных просительниц обоснованным. Эта бумага до сих пор хранится в архивах парижской полиции, но неизвестно, был ли дан ей какой-то ход.

Вполне возможно, что некоторые последствия сожительства с Ламецем все-таки были. Хотя историки единодушно утверждают, что мадам Дюбарри не имела детей, существует подозрение, что появившаяся на свет в 1759 году девочка, зарегистрированная как дочь дяди Жанны Николя Бекю, Мари-Жозефин, на самом деле была рождена Жанной. Во всяком случае, именно к этой, лишь одной из всех своих многочисленных кузин, будущая графиня Дюбарри всю свою жизнь питала особенно глубокую привязанность. Лет десять-двенадцать спустя, когда Жанна стала фавориткой короля, мадам Рансон, невзирая на свое положение замужней дамы,

переехала жить в монастырь, который посещали знатные дамы. Там она была известна под аристократической фамилией мадам де Монтрабе. Вместе с ней там проживала и получала образование ее племянница, та самая Мари-Жозефин. Когда после всех жизненных перипетий мадам Дюбарри воцарилась в замке Лувесьен, Мари-Жозефин постоянно гостила там. В 1781 году девушка сочеталась браком с маркизом Полем де Буазессоном, майором драгунского полка принца Конде, намного старше ее, и в связи с замужеством получила от графини большое приданое. Даже после переезда к мужу на случай ее посещения в Лувесьене всегда были подготовлены комнаты. К тому же, внешне она чрезвычайно походила на Жанну. Однако, ввиду полного отсутствия каких-либо подтверждающих документов, это предположение не получило широкого распространения.

После скандала не могло быть и речи о возвращении Жанны к ремеслу парикмахерши, но приобретенные навыки вполне могли пригодиться для хорошей камеристки. В качестве таковой мадмуазель де Вобернье в конце 1759 года поступает в услужение к пожилой богатой вдове откупщика мадам де Лагард, проживавшей в замке Курнёв близ Парижа. Это было настоящее средневековое строение с четырьмя башнями, расположенное в лесу, окруженное двойным рвом, наполненным водой, с подъемным мостом. Почти годичное пребывание в замке стало важным этапом в усвоении девушкой светских манер, умения держаться среди представителей знати, а также постижения всех тонкостей кокетства и искусства нравиться и обольщать мужчин. Поскольку монастырское образование Жанны явно поднимало ее над уровнем камеристки, она очень быстро была переведена на должность компаньонки старой дамы и завоевала право пользоваться полным доверием своей хозяйки.

Мадам де Лагард, невзирая на свой возраст, продолжала вести активную светскую жизнь. В замке не переводились гости, мамашу регулярно навещали два сына, занимавшие видное положение при дворе и женатые на знатных, но непривлекательных дамах. Образовалось веселое общество с весьма легкими нравами; красота новой компаньонки привлекала в замок молодых людей, которых ранее хозяйке удавалось заманить лишь с трудом. Вдова дарила Жанне свои старые наряды, так что девушка чувствовала себя в этой благородной среде одной из равных. Устраивались балы, организовывались любительские спектакли, чрезвычайно популярные в то время во французском обществе. Эти представления с участием профессиональных актеров, в которые включали и Жанну, опять-таки стали для нее уроками мастерства речи и сокрытия чувств. Она получила там и другие уроки – как правило, все кавалеры немедленно изъявляли готовность посвятить очаровательную девицу во все тайны искусства любви. Жанна сохранила воспоминания о пребывании в замке Курнёв как об одном из самых счастливых периодов своей жизни. По-видимому, именно здесь и возникла у нее непреодолимая тяга к беззаботной, полной развлечений жизни в роскошной обстановке.

Вскоре красота Жанны в очередной раз стала для нее источником неприятностей. В первую очередь быстрого возвышения до положения компаньонки ей не простила прочая прислуга, которая принялась шпионить за ней, причем не гнушалась сдабривать свои доносы изрядной долей самой беззастенчивой клеветы. Утверждали, что девица спит с обоими сыновьями хозяйки и ворует деньги у мужчин. Ситуация еще более осложнилась, когда в замок прибыла графиня де Сент-Ампир, жена одного из сыновей, дама с ярко выраженными лесбийскими наклонностями⁶. Она немедленно воспылала страстью к Жанне, даже не прилагая особых трудов скрыть это чувство, и стала принуждать ее к сожительству. Вполне нормальная девушка, имевшая в ту пору еще весьма смутное представление о подобных отклонениях, была вынуждена пожаловаться мадам де Лагард. Ошеломленная дама в начале 1761 года предпочла расстаться с красавицей, столь осложнявшей безмятежную жизнь в замке.

⁶ В 1767 году по приговору суда Шатле эта дама была заключена в монастырь «за безнравственное поведение и распутство».

К тому времени слава о красоте Жанны потихоньку расплзлась по Парижу, и девушка без особых трудностей была принята ученицей продавщицы в один из наиболее известных парижских магазинов модных товаров под вывеской «А ля туалет». Мадмуазель де Вобернье вновь оказалась в том зажиточном квартале финансистов, в котором и проживала со времени прибытия в Париж. Ее благодетель Бийяр-Дюмусо был типичным представителем денежных дельцов, которые задавали тон жизни в Париже, так что мадам Дюбарри попала в юности в тот же самый мир, из которого вышла маркиза де Помпадур. Правда, будущая маркиза родилась в этом окружении и вышла в нем замуж, а Жанна проникла туда с черного хода для прислуги. Тем не менее этого оказалось достаточно для того, чтобы усвоить образ жизни этого мирка. Историки считают, что неслучайно две последние, вошедшие в легенду любовницы Людовика XV были возвращены в мире финансов. В то время в нем было сосредоточено все лучшее, что можно было найти во Франции. XVIII век ошибочно считают веком аристократии – на самом деле королевство уже жило в веке финансовой буржуазии. Погрязшее в долгах, тормозящее промышленное и политическое развитие королевства дворянство, само того не осознавая, фактически представляло собой самый настоящий пережиток прошлого.

После Регентства настоящими хозяевами Парижа становятся денежные мешки. По их заказам строятся самые красивые частные особняки, в которых их жены держат наиболее известные салоны столицы. Там встречаются лучшие умы века Просвещения и деятели искусства. Именно наиболее талантливым архитекторам, художникам и скульпторам финансисты заказывают постройку и отделку своих особняков, именно к ним переходит аристократическая традиция меценатства, поддержки искусства и литературы. Эти выскочки быстро перенимают манеры угасающего дворянства, их вкус и тяга к изящному зачастую превосходят те, которыми обладают живущие рядом вельможи.

«Мать отдала ее в учение к модной портнихе, но темперамент и легкомыслие не способствовали учению. Она пришла после ряда романтических приключений в кабак, где и осталась, всегда довольная, смешливая и готовая любить».

Жанна с удовольствием принялась за работу в магазине. Задача была не из легких – угождение переменчивым вкусам взыскательных и зачастую невероятно капризных покупательниц требовало недюжинного терпения и тонкого знания женской психологии. Однако девушке нравилось погружать руки в лионский шелк, бархат и атлас, драгоценные алансонские, валансьенские и брюссельские кружева, копаться в пестрых лентах, замысловатых отделках, подбирать пуговицы⁷, изготовители которых из кожи вон лезли, чтобы превзойти друг друга в изобретательности. Как ласкали ее взор все эти столь милые женскому сердцу вещи! Магазины посещали знатные дамы со своими кавалерами, придворные, франты, искатели любовных приключений, офицеры, известные актрисы, певицы и танцовщицы. Разговоры шли исключительно о балах, спектаклях, последних светских событиях и сплетнях – то был мир полной безопасности и вечного праздника, столь отличный от гнета повседневных тягостных забот, которыми жило семейное окружение Жанны.

Владелец магазина г-н Лабий держал свой персонал в ежовых рукавицах. Девушки трудились от зари до зари так, что потом буквально валились с ног. После закрытия магазина они ужинали, немного отдыхали и в девять вечера были обязаны занять свои постели в дортуаре, расположенном на четвертом этаже. Учинив своим работницам переключку, хозяин, известный в столице под прозвищем «добродетельный Лабий», запирает дверь на ключ – он дорожил репутацией своего заведения и не желал, чтобы его уподобляли борделю. К сожалению, совершенно посадить своих подопечных под замок этот цербер никак не мог, ибо девушки беспре-

⁷ Появившиеся на европейской одежде в XIII веке пуговицы в XVIII познани эпоху своего расцвета и служили не только для украшения, но и как знак социального статуса.

пятственно сновали по Парижу с поручениями по доставке в магазин различного портняжного приклада для шитья туалетов, а также разносили готовые товары заказчицам. Это обеспечивало прекрасные возможности для общения с поклонниками, к тому же Лабий был вынужден предоставлять работницам выходной день в воскресенье, который те проводили как им заблагорассудится.

Первоначально от нечего делать Жанна сдружилась с хозяйской дочкой, которая была на пять лет младше ее. С первого взгляда такая привязанность выглядела странной, но дело в том, что их объединило пристрастие к рисованию. Юная Аделаида с младых ногтей проявляла признаки недюжинных способностей и брала уроки рисования, к которым присоединилась новая продавщица. Именно в этот период девушка впервые непосредственно соприкоснулась с миром искусства и привлекла внимание художников, которые нередко просили ее позировать для них. В скобках скажем, что впоследствии Аделаида под фамилией Лабий-Гюйяр (1749–1809) завоевала такую же европейскую славу живописца, как и знаменитая «портретистка королей» Элизабет Виже-Лебрэн. Некоторые историки весьма сокрушаются, что эта искусная художница не написала портретов графини Дюбарри. Впрочем, сей факт без труда поддается объяснению: Аделаида работала над изображениями членов королевской семьи, настроенных, естественно, против фаворитки со скандальной репутацией, оказывавшей столь дурное влияние на Людовика XV.

Слава о продавщице с потрясающей внешностью у Лабия быстро разлетелась по всему Парижу. Хотя Жанна не блистала именно классической красотой, в ее влекущей внешности не было и тени вульгарности, напротив, ее облику были присущи какая-то ангельская чистота и добропорядочность. Эту особенность отмечал в своих донесениях даже инспектор полиции нравов Луи Марэ. Прелестница пробуждала не только плотское вожделение, но и стремление к какому-то возвышенному чувству. Не удивительно, что в среде полусвета она приобрела известность под прозвищем мадмуазель Ланж. После службы у мадам Лагард девушка вполне усвоила светские манеры и сохранила непреодолимую тягу к миру знати, живущему в атмосфере постоянного праздника.

В ту пору Париж, как никогда, стал городом галантных приключений. Любовь – центр жизни французского общества XVIII века. В XVII веке стараниями драматургов и поэтов классицизма она была окрашена героической страстью, являла собой возвышенный идеал, проповедуемый рыцарскими романами. Но вошедшее в поговорку распутство времен Регентства лишило любовь всех покровов стыдливости и добродетели, оставив лишь погоню за сладострастием, удовлетворением похоти. Галантные приключения стоят в центре жизни зажиточных классов. Вокруг них сосредотачиваются интересы как мужчин, так и женщин. Дамы, прибегая ко всяческим ухищрениям кокетства, стремятся показать себя неотразимо соблазнительными, а мужчины – как можно более разнообразить свою интимную жизнь в поисках новых ощущений, способных возбудить их пресыщенный излишествами вкус. Недаром выдающийся политик и дипломат князь Ш.М. Талейран, – а также не менее выдающийся распутник, – который до Великой французской революции сделал карьеру духовного лица, дослужившись до епископа, имел обыкновение повторять: «Кто не жил при старом режиме, тот не изведет сладости жизни».

Париж в ту эпоху был, как никогда доселе, благоприятен для удовлетворения этих запросов. Галантные похождения оставались единственным средством для бедных молодых девушек найти выход из мертвящей, беспросветной нужды. Легенды о богатых поклонниках, готовых обеспечить хорошее содержание, заставляли их вступать на скользкий путь любовных походов. Везло весьма немногим, пропасть же разврата безжалостно и бесследно поглощала легионы этих бедняжек. В царствование Людовика XV в Париже насчитывалось от двадцати до тридцати тысяч проституток. Город являл собой полное раздолье для распутников. Места развлечений – ярмарки, ресторанчики, балы, оперный театр – и прогулок кишели жен-

щинами легкого поведения, буквально осаждавшими предающихся праздности мужчин. Даже король проявлял чрезвычайный интерес к похождениям своим подданных и часто требовал у начальника полиции позабавить его пикантными историями из жизни искателей любовных приключений. К услугам проституток прибегали буквально все, от знатных вельмож до простых рабочих, причем значительную долю мужчин, изголодавшихся по сексу, составляли священнослужители. Клиентура попроще искала удовлетворения своих потребностей у совсем уж опустившихся жриц порока, промышлявших за городской чертой. Свирепствовали венерические болезни, поэтому был большой запрос на мастурбацию и оральный секс – быстро, незаметно и безопасно. Для удовлетворения запросов наиболее взыскательных клиентов вокруг Пале-Рояля начали создаваться бордели высшего класса⁸. Магазин Лабия располагался как раз в этом районе.

Привлеченные красотой новой продавщицы, в магазин потоком хлынули франты, распутники, ценители женских прелестей. Под прикрытием оборок, шляп, складок тканей девушке передавались записки, делались беззастенчивые предложения. Постепенно Жанна обзаводится состоятельными поклонниками, историки причисляют к ним полковника Марсье, аббата Боннака, будущего епископа, крупного финансиста Вовенардьера и торговца шелком г-на Бюффо, который впоследствии стал поставщиком тканей для графини в Версале. Исследователи жизни мадам Дюбарри много спорят о том, работала ли мадмуазель Ланж в публичных домах до того, как она познакомилась с Жаном Дюбарри. Враги Жанны во времена ее воцарения в Версале насочиняли обильный материал о том, что она служила в одном из самых известных борделей Парижа, который содержала Маргерит Гурдан.

⁸ Репутация Парижа как города галантных приключений прочно утвердилась за ним за границей. Недаром отличавшийся горячим темпераментом поэт А.С. Пушкин писал в письме к П.А. Вяземскому 27 мая 1826 года: «Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и б(ордели) – то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство».

Парижские тайны

Маргерит Гурдан (1727-83), урожденная Сток, сумела завоевать себе посмертную славу как одна из самых известных сводниц Парижа. Сбежав в детстве из отчего дома в провинции с офицером в Париж, девушка вскоре была вынуждена зарабатывать себе на жизнь проституцией. Тем не менее она ухитрилась выйти замуж за Дидье-Гурдана, бывшего служащего ведомства королевских откупщиков, и вскоре с его ведома завела роман с богатым офицером. Когда Маргерит родила от него дочь, тот назначил ей неплохую ренту, которая, однако, вскоре прекратилась с его смертью в 1759 году. На образовавшийся начальный капитал Маргерит приобрела роскошную квартиру, которую и использовала в качестве помещения для своего неблагоприятного занятия. Поскольку квартира располагалась в доме на улице Графини д'Артуа, Гурдан была известна среди клиентов под кличкой «Графинюшка».

Гурдан прославилась тем, что поставляла для избранной клиентуры материал для всех видов разврата, а также сдавала комнаты для свиданий людям, которые по каким-либо причинам не могли тайно встречаться в другом месте (включая обуреваемых кровосмесительной страстью, что в то время не было редкостью. Известно, что регент сожительствовал со своими четырьмя дочерьми, а военный министр Шуазель питал более чем родственные чувства к сестре, герцогине де Грамон). Но дело в том, что, в отличие от закрытых публичных домов XIX века, в ее доме проживали на постоянной основе всего две-три блудницы. В то время женщины зачастую вынужденно прибегали к проституции, ибо их заработки были настолько ничтожны, что прожить на них не представлялось возможным. Подрабатывали все: от жриц искусства до замужних респектабельных дам, не желавших зависеть в своих тратах от мужей. Наглядной иллюстрацией служит анекдот тех давних времен о четырех чудесах Оперы: голосе певицы Лемор, икрах танцовщика Дюпре, ногах балерины Мариетты и добродетели. Вполне характерно для нравов эпохи, что танцовщицу Пети в костюме Венеры, выходящей из пены морской, уже через полчаса после выступления застали в подвале театра в обществе маркиза де Поннака, расточавшего ей любезности. Гурдан опутала Париж густой сетью агентов, которые доносили ей о появившихся молоденьких девушках, достойных ее внимания. Как только она прослышала о новой продавщице у Лабия, Графинюшка немедленно навестила магазин под предлогом приобретения кое-каких предметов туалета.

Далее обычно приводят выдержки из книги Пиданса де Маробера «Истории о графине Дюбарри», изданной в Лондоне в 1775 году. Автор якобы беседовал с Гурдан, заявившей, что в магазине она увидела «самое прекрасное создание, которое только можно узреть двумя глазами». Естественно, она не могла «упустить такое приобретение», украдкой подсунула девушке записку и тихо попросила навестить ее, когда та сможет улучшить минутку. «На следующий день – а это было воскресенье – мадмуазель Ланж явилась ко мне. Она сказала, что ускользнула под предлогом посещения мессы; я обласкала ее, угостила обедом и спросила, нравится ли ей ее место». Жанна ответила, что ее новое ремесло нравится ей больше прежнего, но вообще она не любит работу, ей скорее хотелось бы «постоянно смеяться и резвиться». Она также призналась Гурдан, что завидует дамам, посещавшим магазин, всегда щегольски одетым, неизменно в сопровождении красивых кавалеров, с разговорами об опере и балах. Гурдан продолжала: «Я ей ответила, что девица, подобная ей, не создана для того, чтобы гнущаясь над шитьем и зарабатывать жалкие гроши. Сие есть участь убогих и уродливых работниц, и показала ей свои апартаменты... где все дышит наслаждением и любовью, обращая ее внимание на гравюры, украшавшие стены, ... молоденькая гризетка бросала на них жадные взгляды, она вся горела». Гурдан прибегла к испытанному приему вербовщиц: повела свою гостью в гардеробную, открыла шкафы, полные голландских тканей, кружев, тафты, шелковых чулок, драгоценностей и всего прочего. «Итак, дитя мое, не хотели бы вы присоединиться ко мне? Все сие

будет у вас; вы станете вести ту жизнь, какую пожелаете, все вечера у вас будут заняты празднествами, спектаклями, вы будете ужинать со всеми теми, кто есть лучшие и приятнейшие люди при дворе и в городе. Вы встретитесь здесь с принцами, генералами, министрами, судейскими чиновниками, церковниками..., вы будете работать лишь столько, чтобы приходиться ко мне развлекаться с такими же девицами, как и вы...» Под предлогом примерки платья она вынудила девушку раздеться и пришла в восхищение от ее «великолепного» тела, от изгиба бедер, «приводящего в экстаз», ее ляжек, ягодиц и, прежде всего, груди! «Через мои руки их прошло много, но никогда не попадались такие упругие, такой формы, так восхитительно расположенные». А волосы, которые не умещались у сводни в обеих руках!

Гурдан уверила девушку, что ей нет нужды покидать работу у Лабия; она может втихомолку приходиться к ней, чтобы немного подработать. Этот эпизод является замечательным примером того, как подобные дамы рекрутировали девушек. Но даже после выхода в свет вышеуказанной книги его достоверность поставила под сомнение сама Гурдан, уверявшая, что она никогда ничего не рассказывала Пидансу де Мароберу, но цитируемые выражения вполне соответствуют ее тону и духу. Она предположила, что автору все это рассказала одна из ее агенток-вербовщиц.

Как уже упоминалось выше, в отличие от закрытых публичных домов XIX века, в апартаментах Гурдан постоянно проживали всего две-три девицы. Поэтому как клиенты, так и сотрудницы дома Графинюшки приходили и уходили, но девушки не были в нем постоянными обительницами. Так что историки все-таки склонны считать, что до публичного дома Жанна не опускалась, хотя, вполне возможно, нанесла туда несколько визитов.

Неизвестно при каких обстоятельствах и когда точно, но в 1763 году Жанна встретила с человеком, который взял ее судьбу в свои руки и окончательно определил ее.

Неукротимый гасконец

«Глава семьи Жан Дюбарри был одним из типичнейших придворных Людовика XV. Жан Дюбарри избрал прибыльное дело, на котором разбогател не один аристократ времени Бурбонов: работа заключалась в поставке королю женицин».

Из литературы нам известны два ярких образа гасконцев: д'Артаньян, вышедший из-под пера Александра Дюма-отца, и Сирано де Бержерак – детище драматурга Эдмона Ростана. Оба были реально существовавшими историческими личностями, но мы привыкли представлять их себе именно такими, какими изобразили породившие их авторы. Ни один писатель пока еще не решился взяться за создание образа Жана-Батиста Дюбарри, к которому как никогда подходит определение Ростана: истинный «cadet de Gascogne, menteur et bretteur, sans vergogne»⁹. Но даже простое описание его жизни создает достаточное представление о кипучей деятельности и буйном нраве этого человека – про таких обычно говорят: «эту бы энергию да на благое дело».

Семья Дюбарри (в ту пору, когда разворачивались описываемые события, устоявшейся орфографии не было, фамилия писалась то «дю Барри», то «Дюбарри»; в настоящее время у французов принято «дю Барри», а в русской историографии закрепилось слитное написание) в истории прославилась единственно своей фамилией, которой она на весьма шатких основаниях, так сказать, облагодетельствовала знаменитую фаворитку, вышедшую из самых низов общества. Тем не менее сей клан имел полное право похвастаться благородным происхождением. Это был провинциальный дворянский род, никогда не обладавший большими денежными средствами, а потому несколько отодвинутый на второй план, хотя его представители всегда верно служили отечеству. С конца шестнадцатого века Дюбарри проживали в окрестностях Тулузы, где имели несколько владений, главным из которых был Левиньяк-сюр-Сав на границе Лангедока и Арманьяка. Там будто бы до сих пор сохранился скромный особняк, построенный семьей уже в восемнадцатом веке. Надо сказать, что в то время семейные владения имели весьма жалкий вид: в поместье Левиньяк насчитывалось всего девять дворов.

Отец Жан-Батиста был капитаном, кавалером ордена Святого Людовика. Скромность происхождения не позволяла ему питать надежды на блестящую карьеру, а потому после окончания войн Людовика XIV он вышел в отставку, удалился в родовое поместье и в возрасте 45 лет женился на девушке также из незначительного провинциального дворянского рода. От этого брака родилось шестеро детей, три сына и три дочери, из которых к настоящему повествованию непосредственному отношению имеют старший сын Жан-Батист (родившийся в 1723 году), Жанна-Мари, с ласковым прозвищем Пиши (1727), Гийом (1732), Франсуаза-Клэр, известная под уменьшительным именем Фаншон или, попросту, Шон (1733), и Эли-Николя (1742). Последнего современники единодушно называли «единственным честным человеком в семье», ибо он упорно отказывался иметь что-либо общее с неприглядными делишками своего старшего брата. Семья жила в относительном достатке, и скончавшийся в 1744 году Антуан Дюбарри завещал каждому из детей по две тысячи ливров.

Однако старший сын не пожелал по примеру своего отца вступить на стезю воинской славы. Он изучал право в университете Тулузы, в 1743 году получил степень бакалавра и стал членом городской коллегии адвокатов. Невзирая на явную склонность ко всяческому рода дрязгам, Жан-Батист брезговал заниматься тяжбами и редко выступал в суде. Он был неглуп, но это следует отнести скорее за счет природной сметки, нежели какой-то особой одаренности. В 1748 году он женился на дочери мелкопоместного дворянина, «красивой и добродетельной особе»

⁹ мболодец из Гаскони, бесстыжий враль и забияка-дуэлянт (франц.).

Урсуле-Катрин Далма де Вернонгрес, в 1749 году у супругов родился сын Адольф. В том же году скончался престарелый родственник, приходившийся Жан-Батисту крестным отцом. Он завещал молодому человеку все свое имущество, довольно солидное: поместье Сера с господским домом о двух башенках и двадцатью четырьмя гектарами плодородной земли. Заразившейся манией величия, Жан-Батист с тех пор представлялся не иначе как «высокородный и могущественный сеньор граф де Сера, сеньор Левиньяка»¹⁰. Это, впрочем, было типично для французов эпохи XVIII-XIX веков, чья страсть к выставлению напоказ своего благородного происхождения принимала порой самые гротескные формы. Не будем забывать, что это поветрие не обошло и скромную семью Бекю, самовольно присоединившую дворянскую фамилию Кантиньи.

Жан-Батист решительно вступил на путь неумного мотовства, принялся жить на широкую ногу, всячески пуская пыль в глаза окружающим, задавая балы и устраивая спектакли. Естественно, его небольших доходов не хватало на затыкание всех дыр в семейном бюджете, так что пришлось продать несколько сдаваемых в аренду ферм и залезть в долги. Затем «сеньор Левиньяка» решил попытать счастья на водах курорта Баньер-де-Бигор, пользовавшегося популярностью у аристократии. Жан-Батист изображал из себя владетельного графа де Сера, щеголявшего в розовом жюстокоре и туфлях с красными каблуками¹¹. Надо отдать должное той уверенности, с которой он отчаянно врал, умел польстить сильным мира сего и втереться к ним в доверие. Ему удалось произвести впечатление на отдохавших на курорте герцога и герцогиню д'Антен, графиню Тулузскую. Вдохновленный своими светскими успехами, Жан-Батист решил отправиться на покорение Парижа. То ли в конце 1752, то ли в начале 1753 года он отправился в столицу, оставив в Левиньяке жену и сына.

По его собственным словам, он отряхнул со своих ног пыль провинции и отправился в Париж «со смутным стремлением к переменам и удаче, движимый амбицией без определенных целей, готовый на все и влекомый двумя главными мотивами: любовью к искусствам и тягой к удовольствиям». У него был хорошо подвешен язык, ему ничего не стоило прихвастнуть, его не стесняли никакие нравственные предрассудки. Через дальних родственников жены ему удалось устроиться на дипломатическую службу, и его несколько раз направляли с незначительными поручениями к немецким дворам. Однако члены дипломатического корпуса нашли его несдержанным, вульгарным и непригодным к службе в этой чопорной и деликатной сфере, а потому министр иностранных дел Руйе постарался побыстрее избавиться от такого сотрудника.

Тогда Дюбарри решил употребить свои способности в области карточной игры и галантных похаживаний. Завсегдатай игорных домов и зланных мест, он умел придать себе вид важного сановника, владетельного сеньора, прикрыть свою вульгарность изысканными манерами, в решительные минуты ему приходили на помощь хладнокровие, жестокость и наглость, которых ему было не занимать. Очень скоро Дюбарри прославился по всему Парижу безудержной гульбой, нечистой игрой в карты, огромными долгами и способностью ловить в свои сети самых красивых женщин легкого поведения. Краткая кличка «Roué» настолько отражала его сущность, что он стал известен именно под этим прозвищем. Специфический французский термин «roué» вошел в обиход во времена Регентства, им называли отъявленных распутников, открыто попиравших какие бы то ни было моральные устои, на которых, как принято говорить у русских, уже и пробу ставить негде. С точки зрения закона подобные отпетые личности подлежали казни через колесование, отсюда и происхождение этого прозвища. Однако к

¹⁰ Дюбарри был далеко не одинок в присвоении титула, на который не имел права. Историки раскопали, что муж маркизы де Севинье, прославленной мастерицы эпистолярного искусства XVII века, не имел права носить титул маркиза; то же самое можно сказать и о «маркизе» Франсуа де Богарне, свекре Жозефины Богарне, во втором браке жены императора Наполеона I.

¹¹ Жюстокор – длинный мужской кафтан, сшитый по фигуре, без воротника, с короткими рукавами, украшенный большим количеством пуговиц и позумента; право носить туфли на красных каблуках тогда имели лишь придворные.

необузданному распутству и неистребимой страсти к игре у Дюбарри прибавились еще способность нагло обманывать направо и налево буквально всех, включая своих друзей, бесшабашный образ жизни и необыкновенная неустрашимость. Поэтому смею полагать, что в данном случае с учетом всех характерных черт этой продувной бестии перевод его прозвища на русский язык как «Прощельга» будет вполне адекватным.

К описываемому здесь периоду Дюбарри уже перезнакомился со многими высокородными распутниками и понял, что наилучшим способом стать своим в этом мирке является поставка женщин любителям сладкой жизни. Невзирая на свою заурядную внешность, он сумел поставить дело с широким размахом, не брезгуя при вербовке красавиц легкого поведения ни угрозами, ни лживыми обещаниями, ни похищениями. В 1762 году Прощельга заморочил голову продавщице из модного магазина, некой Софи Трико, уверяя, что она является его побочной дочерью, и заставил заниматься проституцией, поскольку девушка не могла предъявлять особо высокие требования к собственному отцу. В погоне за новым живым товаром Жан-Батист был готов буквально на все. Научившись потрафлять любителям женщин, находившимся в вечном поиске новых ощущений, он стал другом таких вельмож, как герцоги де Дюра и Фронсак, маркиз Ла Тремуай и друг короля герцог де Ришелье. Они считали ниже своего достоинства посещать бордели даже класса люкс типа заведения Гурдан и могли довериться в этом вопросе лишь человеку своего круга. Так Дюбарри стал сводником благородных кровей.

По-видимому, у него был особый нюх на женщин, умение убеждать их заниматься столь неблагоприятным ремеслом и доскональное знание потребностей своих взыскательных клиентов. Уже летом 1755 года в полицию появляется отчет о «неком графе Дюбарри, который поставляет своим знакомым молодых дам и забирает для себя существенный процент их заработков». Однако полиция отнеслась к его промыслу весьма снисходительно, считая его всего лишь закоренелым распутником, и не предприняла никаких серьезных усилий по пресечению этой деятельности. При этом ни для кого из окружающих не было секретом, что источниками средств широкого образа жизни Прощельги являются сводничество и карточная игра. Известный распутник, близкий друг короля, маршал герцог де Ришелье, поставивший перед ним задачу обеспечивать его женщинами «с изюминкой», был настолько доволен его услугами, что деловые отношения перешли в дружбу. Помимо всего прочего, герцог ввел Дюбарри в число поставщиков провианта для военной операции на Корсике, на чем тот заработал немалые деньги.

Луи Франсуа Арман, герцог де Ришелье, маршал Франции, был первейшим повесой восемнадцатого века; полагают, что именно он послужил прообразом всех циничных соблазнителей в литературе того времени: Вальмона из «Опасных связей» Шодерло де Лакло, Ловласа из «Клариссы Гарлоу» С. Ричардсона, Селима из «Нескромных сокровищ» Д. Дидро. Его похождения были одним из средств утверждения себя как личности. Дело в том, что герцог унаследовал множество высоких титулов не как прямой потомок великого кардинала, но в качестве представителя побочной линии, нисходившей от сестры кардинала Франсуазы, вышедшей замуж за худородного провинциального дворянина Виньеро. Спесивая придворная знать, насчитывавшая за собой века прославленных предков, считала его выскочкой, и герцог в течение всей своей жизни вел борьбу за то, чтобы не допустить ни малейшего покушения на свои права и во всех смыслах вполне соответствовать своему высокому положению.

Отмеренный ему срок пребывания на земле для той эпохи оказался буквально из ряда вон выходящим: герцог появился на свет в 1696 году и скончался в 1788. Он жил в правление Людовика XIV, Регента, Людовика XV и Людовика XVI. Герцог совершенно заслуженно получил звание маршала в 1748 году, отличившись в битве при Фонтенуа¹² в ходе войны за австрий-

¹² В битве при Фонтенуа, состоявшейся 11 мая 1745 года, французское войско под командованием маршала Мориса Саксонского разбило англо-голландские вооруженные силы под командованием герцога Камберлендского. Эта победа создала предпосылки для завоевания Нидерландов французами.

ское наследство. Представленный ко двору в возрасте 14 лет, юноша быстро усвоил правила беспощадной борьбы за место под солнцем, сиречь подле особы монарха. Маршал составил себе огромное состояние посредством беспощадных грабежей во время военной кампании в Ганновере 1757–1758 годов, спекуляций недвижимостью, а также выжимая все, что возможно, из своих должностей в провинции, точнее в Бордо.

Природа при красивой внешности и живом уме, однако же, наградила его небольшим ростом, и для преодоления комплекса по поводу этого недостатка Ришелье с юных лет погрузился в пучину разврата и прославился своими любовными похождениями, которым было несть числа. Сыграл свою роль и тот факт, что в возрасте 15 лет родители вынудили его жениться на дочери маркиза де Ноай во исполнение давней договоренности между двумя семьями. Юный герцог поклялся, что никогда не будет супругом своей жены, и приложил к тому немалые усилия (правда, Анн-Катрин не зажила долго на этом свете, и впоследствии Ришелье вступил в брак вторично). Достаточно упомянуть такой знаменательный поворот в его судьбе: он угодил в Бастилию за попытку соблазнить мать Людовика XV, грациозную Марию-Аделаиду Савойскую. Перечислять его подвиги на поле любовных приключений не имеет смысла, потому что ко времени его знакомства с Дюбарри завзятый распутник, что называется, вышел в тираж. Неумная погоня за наслаждениями оставила беспощадные следы на его внешности: герцог превратился в высохшую мумию, придать живые черты которой уже не могли ни пудра, ни многочисленные притирания, румяна и тушь. Канули в прошлое те времена, когда в 1721 году его любовницы виконтесса де Полиньяк и маркиза де Нелье устроили дуэль из-за этого красавца. Теперь же молодые знатные дамы совершенно потеряли к нему интерес, так что он был вынужден снизойти до посещения шикарных борделей Бриссо или Гурдан, почитавших за честь обслуживать этого престарелого сиятельного развратника с изысканными манерами. У него также были несколько роскошно обставленных помещений, оборудованных специально для приема «дев веселья». Будучи человеком тонкого вкуса, этот неумный греховодник предпочитал предаваться любовным утехам в изящных павильонах, расписанных известными художниками на темы галантных приключений в духе той растленной эпохи. Герцога и Дюбарри свела вместе страсть к порочным увлечениям, ибо старик считал графский титул приятеля гарантией того, что де Ришелье может общаться с Прощельгой, не нанося ущерба своей аристократической гордости. Дюбарри же, как и всякий сводник, не гнушался бессовестно обманывать престарелого вельможу. Когда у него не было на примете «свежачка», он брал девицу напрокат у Гурдан, заставляя маршала платить намного больше, чем если бы тот напрямую пошел в заведение Графинюшки.

Невзирая на жизнь, исполненную удовольствий, Ришелье все-таки испытывал тайное неудовлетворенность, ибо ему так и не удалось побывать в должности министра. Он не оставлял надежды занять положение, которое позволило бы ему стать на равную ногу или даже превзойти своего великого предка. Все его престижные должности вроде военного губернатора Лангедока или губернатора Гиени не давали того влияния, которым располагал его злейший враг, первый министр герцог де Шуазель, обязанный своим возвышением маркизе де Помпадур. Маршала бесило то, что, являясь близким другом короля и одним из его четырех камергеров, он не мог совать нос в его дела. У него давно созрел план подсунуть Людовику XV новую любовницу, которая сумеет сместить Шуазёля.

«В те же годы на окраине старого Парижа был небольшой кабачок, где за кружкой славного пива, за игрой в карты просиживало часто разнообразное общество. Несколько девиц развлекали компанию, переходя с колен на колени, спускаясь в чуланчик за несколько грошей на тряпки. Среди них красотой выделялась Жанна Бекю».

Собственно говоря, неважно, где и когда Дюбарри встретил Жанну Ланж, потрясшую его своей красотой. Все современники находили девушку неотразимой, с ее миндалевидным разрезом глаз цвета аквамарина, взглядом с поволокой, то чувственным и влекущим, то насмешливым и даже несколько презрительным, восхитительной кожей, прекрасной фигурой и благородным обликом. Почти столетие спустя в Париже на короткое время, пока ее в возрасте 22 лет не стубит чахотка, будет пользоваться бешеным успехом куртизанка Мари Дюплесси, сочетавшая опытность выдавшей виды потаскухи с ослепительной красотой чистой и невинной девушки. Именно это обусловило ее недолгую славу и поразило писателя Александра Дюма-сына, увековечившего ее образ в романе «Дама с камелиями», ныне основательно забытом, зато навеки обретшим известность в качестве основы оперы Д. Верди «Травиата». В столице же восемнадцатого века, среди сливок общества, помешанных на античных аллегориях, заниматься любовными утехами, превосходящими самое разнузданное воображение, с девицей, воплощавшей собой облик прекрасной богини из античных мифов, было равносильно вознесению на высоты Олимпа с его бессмертными обитателями.

Кое-кто из историков считает, что Дюбарри действовал через родителей Жанны, поскольку он мог быть знаком с ее отчимом Николя Рансоном, так как оба занимались поставкой провианта экспедиционному корпусу на Корсике. В подтверждение этой версии историки приводят тот официально установленный факт, что мебель в квартире, которую арендовали супруги Рансон, была куплена на имя Жанны, но оплачена Дюбарри. В таком случае поднаторевшему в вопросах вербовки женщин Дюбарри, по-видимому, не составило особого труда убедить пожилую чету в том, что он обеспечит девушку роскошным содержанием. Причем имеются свидетельства, что первоначально вместе с Жанной у него поселилась и мадам Рансон, которая, напоминаем, была отличной поварихой. Считается, что некоторое время Жанна пребывала на положении любовницы Дюбарри, не уступавшего ее своим друзьям. Неизвестно, какие чувства испытывала к нему сама девушка, уже, по-видимому, смирившаяся с тем, что у нее нет в жизни иного пути обеспечить себе беззаботную жизнь, кроме как стать его содержанкой. Вполне возможно, что она была склонна даже питать к нему некоторую благодарность за покровительство – ей определенно были известны истории девушек, вынужденных зарабатывать на жизнь уличной проституцией или угодивших в больницу для сифилитичек.

Поселившись у Дюбарри, Жанна, известная теперь под именем мадмуазель Вобернье, попала в несколько необычное для содержанки положение. В 1763 году Дюбарри вызвал из провинции в столицу своего сына Адольфа, застенчивого миловидного подростка хрупкого здоровья, которого хотел пристроить при дворе. Это удалось ему с помощью герцога де Ришелье, для начала обеспечившего юнцу место пажа, а затем добившегося для него перевода в армию в чине унтер-офицера. В 1765 году Адольф на удивление быстро стал лейтенантом полка королевской пехоты, проживал у отца и сдружился с его любовницей, невзирая на шестилетнюю разницу в возрасте. Злые языки утверждали, что именно Жанна лишила его девственности, но, похоже, это не соответствует действительности. Скорее всего, молодая женщина испытывала к нему скорее чисто дружеские чувства, нечто вроде материнских. Эта привязанность даже вызвала раздражение у Дюбарри и стала причиной нередких скандалов в его доме.

Бесшабашный Дюбарри, тем не менее, умел обставлять все свои действия с тонким расчетом, основанным на далеко идущих намерениях. В этом ему отдают должное даже отчеты полицейских. 14 декабря 1764 года Жанна впервые появилась в ложе театра Итальянская комедия в качестве официальной любовницы Дюбарри. «Маркиз Дюбарри (как ошибочно называет его титул инспектор Марэ) появился в понедельник вечером со своей новой любовницей мадмуазель Вобернье. Речь идет о молодой, лет девятнадцати, женщине, высокой и благородной внешности. Она передвигается в изысканной карете¹³ и обладает восхитительным лицом. Мар-

¹³ Очень большая роскошь по тем временам, ибо на улицах Парижа, покрытых ужасающей грязью, тротуары появились

киз наверняка с выгодой продаст ее, как и поступал всегда с надоевшей ему женщиной. Надо признать, что он являет собой знатока и его товар всегда пользуется спросом».

Привычно залезая в долги, Дюбарри всю рекламу свою любовницу, обеспечивая ее шикарными туалетами и украшениями. На карнавальная неделя он закатил блестящий бал, на котором присутствовали первейшие распутники Парижа. Ужины в доме Прощельги, на которые пришлось поработать и мадам Рансон, пользовались чрезвычайной популярностью. Разумеется, магнитом, который неудержимо притягивал гостей, была красота Жанны. Она своим беззаботным смехом и легкостью обхождения побуждала гостей проигрывать за карточным столом за одну ночь ставки в тысячи ливров. Эта молодая женщина не переставала поражать даже повидавших виды аристократов. Обычно приводят исполненные искреннего восхищения слова графа д'Эспеншала, видевшего ее несколько раз на балу в Опере, облаченной в белое платье: «Я никогда в своей жизни не видел ничего более прелестного, чем сие небесное создание. Она – воплощенная богиня Геба¹⁴. Она – одна из трех граций, совершенная во всех отношениях».

Надо полагать, что Дюбарри быстро оценил силу того впечатления, которое Жанна производила на посетителей его дома и решил, что пора получать проценты на вложенный в нее капитал. Первым и постоянным клиентом стал престарелый герцог де Ришелье, который платил за каждую встречу с Жанной пятьдесят луидоров¹⁵. По его словам, «сия молоденькая курочка сохранила в себе остатки природной пылкости». Безусловно, этот человек положил начало головокружительной карьере этой простолюдинки при дворе, оказывая ей протекцию и снабжая дельными советами с первых ее шагов в Версале. Надо сказать, что мадам Дюбарри оставалась ему верным другом до самой его смерти в возрасте девяноста четырех лет и регулярно навещала престарелого вельможу, впавшего в немилость и всеми позабытого.

Вскоре ей пришлось оказывать услуги и другим клиентам Дюбарри. Известный ценитель женщин, уже упоминавшийся здесь принц де Линь, не без доли цинизма выразился так: «Усладой было лицезреть ее, и восхитительно – поиметь ее». Как писал инспектор полиции с нескрываемым возмущением об изнурительной «работе», которую Дюбарри навязывает своей подопечной: «он пользуется этой девицей как землей, которую сдает в аренду первому встречному, готовому хорошо заплатить, однако же, оставляя за собой право сеньора на первую ночь, поскольку каждодневно спит с ней». При появлении клиента Прощельга покидает квартиру на полдня или целый день. Некоторые недели мадам Вобернье обслуживает в сутки по несколько клиентов. В апреле 1765 года она встречается одновременно с герцогом де Ришелье и маркизом де Виллерау, «оба заполняют ей все дни». В сентябре 1765 года инспектор Марэ пишет, что Дюбарри заставляет ее вести «бесчестную» жизнь: «Она – его самая настоящая дойная корова. С намерением приобрести протекцию и деньги он сдает ее в аренду всем проходящим, при условии, что это – либо знатные, либо имеющие деньги люди. Что за ужасная жизнь!»

Эта каждодневная круговерть привела к подлинному истощению сил у Жанны. Систематическое принуждение к работе вызвало у нее ужасную усталость. 6 октября 1765 года инспектор отмечает в своем журнале, что «девица Вобернье, наконец, покинула господина Дюбарри, она утомилась служить приманкой на его подпольных карточных играх. После свидания с герцогом де Ришелье, заплатившем ей пятьдесят луидоров, она отдала их обойщику, который втихую меблировал ей небольшую квартирку на улице Монмартр, в доме господина Лапланша. Без ведома и потихоньку от господина Дюбарри, она приказала ему отнести туда все свои вещи,

лишь в 1782 году.

¹⁴ Богиня вечной молодости.

¹⁵ Интересное сравнение: гонорар именно в пятьдесят луидоров заплатила маркиза де Помпадур писателю и философу Жан-Жаку Руссо после исполнения в королевском дворце Фонтенбло его музыкальной пасторали «Деревенский колдун», в которой сама выступила в мужской роли. Руссо был автором и музыки, и текста.

платья, драгоценности, шелка и сама ушла в новое жильё». Как это ни странно, Дюбарри прикинулся, что уход Жанны ему безразличен, и с виду никак не отреагировал на него.

Разрыв длился три месяца, в конце которых Жанна вернулась к Дюбарри. Она не провела это время в одиночестве, встречаясь с двумя известными в Париже красавчиками, кошелки которых, однако же, были совершенно пусты. То ли жизнь без привлечения выгодных клиентов, которую так ловко обеспечивал Дюбарри, не приносила достаточного дохода, то ли Жанна соскучилась по сыну своего покровителя, к которому питала материнские чувства, то ли равнодушие Жан-Батиста уязвило ее самолюбие, но сбежавшая прелестница возвратилась в квартиру сводника. Однако теперь их союз основывался вовсе не на призрачных чувствах; на сей раз они заключили нечто вроде соглашения, по которому Дюбарри обязывался оплачивать все ее текущие расходы и капризы, а Жанна – вносить определенную сумму в совместное хозяйство, причем ей предоставлялась большая свобода действий. Жан-Батист отныне сдает ее не всем подряд, а лишь тем, кто в состоянии платить значительные суммы. Она развлекает по очереди двух генеральных откупщиков, гг. Бриссара и Крамазеля, нескольких знатных вельмож, герцога де Ришелье, его сына, герцога де Фронсака, герцога Лозена, маркиза де Латур и т. д. Одним из ее последних любовников был богатейший Р. де Сен-Фуа, генеральный казначей военно-морского флота.

Теперь сожителю представляются мужем и женой, так что Жанну все чаще именуют «графиня Дюбарри». Дела идут успешно, ибо в мае 1766 года «супруги» снимают роскошную квартиру за три тысячи ливров в год на улице Жюсьен и ведут широкий образ жизни. Они часто появляются в Опере, в театрах, на концертах, балах-маскарадах. Дюбарри задаривает Жанну моднейшими туалетами и драгоценностями. Заработки молодой женщины позволяют им претендовать на более высокий уровень жизни, квартира на улице Жюсьен становится мала, и в феврале 1767 года пара арендует весь особняк. Не желая отставать от моды на интеллектуальные собрания, «чета» Дюбарри раз в неделю устраивает у себя салон, где можно встретить все то, «что есть лучшего в Париже, то есть все самое испорченное и развращенное при дворе и в городе», уточняет инспектор полиции в своем журнале. В его докладах можно проследить, как часто и как много представителей аристократии и финансовой верхушки посещают гостеприимный особняк Дюбарри. Дух Просвещения не обошел стороной и этот салон с весьма вольными нравами. Хозяин всегда был не чужд тяготения к искусствам – он, например, коллекционировал полотна старых мастеров, – и в его гостиную стекалось вполне приличное общество. Среди гостей были второстепенные писатели, Кребийон-сын, Колле, Фавье и граф Гибер, представлявший собой, так сказать, смычку между литераторами и аристократией. Обычно там появлялись герцог де Дюра, принц де Линь, маршал де Ришелье и английский лорд Дуглас, третий граф Марч. В 1778 году этот знатный англичанин стал герцогом Куинсберри и позднее представлял графиню Дюбарри к королевскому двору Великобритании. Царица на этих вечерах прекрасная спутница хозяина, но для поддержания репутации салона Жан-Батист приглашал также несколько куртизанок высокого полета.

За четыре года Жанна привыкла к этому кружку и поднабралась много полезного для себя в области литературы и искусства. К тому же она отполировала свои манеры, научилась давать меткие и остроумные ответы, вести утонченные светские разговоры, на вид будто бы исполненные скрытого смысла, но совершенно пустые, – мастерство, которым в совершенстве должна была владеть дама, претендовавшая на место в изысканном обществе. Она познакомилась с изнанкой политики и освоила ремесло доверительного пересказывания дворцовых сплетен. Она была прекрасна, элегантна и обольстительна, обладала в среде мужчин репутацией неотразимой любовницы – ну, чем не лакомый кусочек для короля?

Жан-Батист подумал об этом еще в самый первый раз, когда увидел Жанну. Надо сказать, что некоторые из его великосветских друзей разделяли эту мысль. Жанна покорила сердца стольких аристократов и богачей, что ей, казалось, оставалось сделать последний шаг до дости-

жения заветной цели любого более или менее амбициозного француза или француженки того времени – завоевания Версаля.

Щуп королевства

Версаль! При одном звуке этого слова воображение лихорадочно начинает создавать картины чего-то невообразимо роскошного, грандиозного, невероятно величественного. Это – символ самодержавной власти, осененной лучами славы Короля-Солнца, Людовика XIV, выразившего сущность своего правления в кратчайшей, но емкой фразе: «Государство – это я».

Правда, на русского туриста, повидавшего каскады фонтанов Петергофа на фоне пейзажей девственной, исполненной суровой мощи северной природы, роскошь дворцов Санкт-Петербурга и его окрестностей, Версаль со своими скучными регулярными парками особого впечатления не производит. Знаменитая Зеркальная галерея имеет весьма непритязательный вид, и люди откровенно удивляются: «А что в ней такого? Бедновато как-то». Время идет, и нынешним туристам зачастую невдомек, что в те времена, когда Венеция одна-единственная в мире владела секретом изготовления зеркального стекла, когда крошечное зеркальце стоило бешеные деньги, когда французам ценой невероятных усилий и затрат удалось переманить к себе пару мастеров-стекловаров, подобное количество огромных зеркал практически соответствовало тому, как если бы высокие стены покрыли тонкой золотой пластинкой. Чему тут удивляться, ведь на изготовление каждого из 357 зеркал этой галереи уходило 800 дней. А вы можете представить себе, как выглядело такое помещение, когда по нему двигался поток придворных в расшитых золотом костюмах, дам в платьях из роскошных тканей, украшенных бриллиантами, испускающими разноцветные искры в свете тысяч свечей? Зрелище было поистине ошеломляющим. Именно поэтому подражавший Людовику XIV король Баварии Людвиг II уже в XIX веке воссоздал в своем замке Херреншимзее Зеркальную галерею, сделав ее на 25 метров длиннее.

Конечно, король хотел, чтобы дворец Версаля производил впечатление на иностранцев, внушая им мысль, что это и есть истинный центр самой крупной европейской державы, средоточие силы, культуры и красоты, обитель помазанника Божия на земле. Но, когда молодой Людовик XIV замыслил создание версальского дворца, это было лишь вторичной целью. Основной изначально была другая, и он блестяще преуспел в воплощении своего замысла в жизнь.

В 1624 году отец Короля-Солнца Людовик XIII, предпочитавший шумным собраниям во дворце узкое общество близких друзей, решил построить небольшой, совсем простой охотничий домик рядом с деревушкой Версаль, в местности неподалеку от Парижа, куда он имел обыкновение ездить на охоту. Надо сказать, что этот выбор немало удивил его придворных, поскольку местность была болотистой и весьма нездоровой. Построенный по проекту архитектора Ф. Леруа домик оказался настолько невелик, что там не было спальни для супруги монарха, и, когда король приглашал туда одновременно мать Марию Медичи и жену Анну Австрийскую, в конце дня дамы были вынуждены возвращаться в Париж.

Король полюбил свой охотничий домик и продолжал скупать земли вокруг него, по его приказу был разбит парк, который все время продолжали расширять. Как известно, в то время французские короли не имели постоянной резиденции, у них их было несколько – Фонтенбло, Сен-Жермен-ан-Лэ, Лувр, Шамбор, Компьен, – и двор время от времени переезжал из одной в другую, вместе со всем персоналом, мебелью и утварью, на что тратились огромные средства. Кстати, количество придворных, имевших строго определенные обязанности, было небольшим. В 1631 году монарх приходит к выводу, что охотничий домик слишком мал, и малоизвестный архитектор Филипп Леруа расширяет его. Но вскоре Людовик XIII умирает, и в течение 20 лет Версальский дворец (если его тогда можно было назвать таковым) стоит заброшенным.

Постепенно им начинает интересоваться молодой король, который время от времени охотился в его окрестностях. Затем он использовал дворец для своих встреч с фавориткой, мадмуазель Луизой де Лавальер. Он выезжал туда один-два раза в неделю в сопровождении ограниченного количества приближенных и уже тогда изобрел для них кафтан с вышивкой определенного рисунка, дававший дюжине его спутников право принимать участие в этих поездках в Версаль.

Молодые годы Людовика XIV были отравлены Фрондой, мятежным временем, движением против абсолютистской власти монарха. Смуту навели феодальные династии, заседавшие в своих наследственных владениях в провинции. Призвать их к порядку было трудно – в своих вотчинах они являлись всесильными царьками, имевшими в своем распоряжении деньги, вооруженных людей, обширные земли. Им нечего было искать при дворе, к тому же они принаровились натравливать население Парижа во главе с его управлением на ненавистную королевскую власть.

Король задумал положить конец этой подрывной деятельности, надеясь приструнить и собрать вокруг себя эту фрондирующую знать, которая не прекращала строить козни против него, в самые критические моменты призывая в союзники население Парижа. Он твердо усвоил заповедь кардинала Мазарини: «Знать и принцы крови должны стать ниже травы и тише воды. Не сближайтесь с придворными». Невзирая на сопротивление своих финансистов, Людовик решает преобразовать это простенькое загородное строение в самый великолепный дворец на свете. В таком случае и Париж потеряет свое значение, ибо жизнь двора будет разворачиваться в Версале. У короля больше не было ни денег, ни земель для раздачи подданным, поэтому основным благодеянием станут его милости. Принцы и герцоги будут почитать за честь право проживать во дворце подле монарха и гордиться именно близостью к его августейшей особе. Что же касается всех прочих придворных, они будут селиться вокруг королевской резиденции.

Воплощение этих планов в жизнь началось в 1668 году и заняло сорок два года. Над проектом дворца последовательно работали три архитектора: Л. Лево, Ф. д'Орбе и Ж. Ардуэн-Мансар. Строительство и оформление интерьеров резиденции дало толчок развитию промышленности и ремесел, производивших товары класса люкс, – ювелирному делу, изготовлению мебели из ценных пород дерева, производству стекла, галантереи, кружев, дорогих тканей и гобеленов. Были созданы королевские мануфактуры, отвечавшие требованиям производства качественных изделий: мануфактура декоративных тканей Гобелена, Сен-Гобена (производство зеркал по венецианскому способу, украшающих Зеркальную галерею), Савоннери (ковры и комплекты для обивки мягкой мебели), шелкоткацкие фабрики Лиона. Выписанные 30 мастериц из Венеции и 200 из Фландрии быстро обучили отобранных для этой цели французских девушек нужной сноровке, способствовавшей поднятию кустарного качества доморощенного кружева на высочайший уровень. Свой вклад в это развитие ремесел позднее внес Людовик XV, добавив к ним фарфоровую мануфактуру в Севре¹⁶, расцвет которой проистекал под личным надзором маркизы де Помпадур. Роскошь обстановки Версаля простерлась вплоть до установки мебели, изготовленной из серебра, моду на которую ввела Испания, располагавшая неограниченным притоком этого благородного металла из американских колоний; во Францию ее принесла со своей родины инфанта Анна Австрийская. Тогда как в Европе мебельщики пошли на хитрость, обивая деревянную основу серебряными пластинками с рельефным узором, предметы обстановки Версаля, спроектированные лучшими художниками-декораторами, отливались из него целиком. Например, балюстрада, отделявшая ложе короля в его опочивальне от прочей части помещения, весила около тонны. К сожалению, эта мебель поражала воображение посетителей дворца всего семь лет. В 1686 году, когда на Францию ополчилась

¹⁶ Данная мануфактура была основана в 1740 году в Венсене для конкуренции с предприятием в Шантийи, но в 1756 году переведена в Севр для удобства осуществления контроля за нею.

половина Европы, объединившаяся в так называемую Аусбургскую лигу, эта мебель и декоративные предметы из филигранного серебра, общим весом около 200 тонн, были перелиты на монету.

Огромные силы и средства были затрачены на создание не только регулярного парка, но и садов и оранжерей Версаля на его заболоченных и неплодородных землях. Грандиозный парк занял площадь в 6 тысяч гектаров¹⁷, его ограда протянулась на 43 километра, сад украшали более 2000 ваз и скульптур, там действовали 1400 фонтанов, оборудование которых являло собой в ту пору последнее слово техники. Для подвода воды проложили 30 километров свинцовых труб. Был прорыт канал, в который подавалась вода рек Сены и Эро. По каналу плавали гондолы с гондольерами, выписанными из Венеции. Направление, выбранное для канала, было не случайным. Когда солнце опускалось за горизонт, создавался эффект светящейся оси, одной из нескольких, которые изображали сходящиеся к дворцу аллеи парка. Творец этого великолепия Андре Ленотр (1613–1700) избегал модных в то время архитектурных построек в парке, а создавал из растительности и фонтанов причудливые живописные боскеты, напоминавшие затейливо декорированные зеленью и струящейся водой залы. Все это служило великолепными декорациями для роскошных праздников, устраиваемых в парках Версаля. Например, представление под названием «Забавы заколдованного острова», развернувшееся в мае 1664 года, длилось три дня. Регулярный парк согласно теории модного тогда в искусстве течения классицизма, был призван внести в природу порядок, ясность и стройность. Тем великолепнее выглядели на фоне причесанной природы роскошные версальские празднества со сказочным угощением, во время которых король и члены августейшего семейства выступали в представлениях пьес и балетов в ролях низошедших с Олимпа богов. А вот любовным утехам со своими фаворитками Луизой де Лавальер и Атенаис де Монтеспан король предавался в изящном павильоне, настоящем храме наслаждений, около потрясавшего воображение «Грота Фетиды».

Не были упущены из виду и более практические цели использования дворцовых садов для снабжения королевской кухни овощами и фруктами. Правда, надзиратель за королевскими садами Лакинтини не испытывал недостатка ни в рабочей силе, ни в удобрениях (огромные конюшни находились неподалеку), но понадобилось семь лет для достижения желаемого результата в работе королевских оранжерей. Зато благодаря теплицам можно было выращивать шесть видов клубники, семь сортов дыни, кочанный салат в марте, огурцы в начале апреля. Надо сказать, Людовик XIV был чрезвычайно привередлив в отношении фруктов и овощей. Он требовал подавать спаржу в декабре, дыни в июне, зеленый горошек (до которого король был особенно охоч) в мае. Король был способен съесть целую тарелку горошка, после чего весьма маялся животом, но отказаться от любви к этому овощу было свыше его сил. Самым любимым фруктом короля была груша, причем в садах Версаля произрастало триста сортов этого дерева, из которых самыми вкусными считались двадцать пять, тогда как яблонь насчитывалось всего семь видов. При этом яблоки употреблялись в основном для компотов и пюре. Сливы вообще не пользовались успехом, зато гордостью королевского сада были персики. Вишни использовались в качестве неизменного компонента версальских тортов.

Жизнь монарха во дворце протекала в полном соответствии с незыблемым ритуалом. Как этикет, так и придворная иерархия соблюдались с величайшим пристрастием. В любой момент с утра до вечера каждый придворный знал, где находится его повелитель, чем он занимается, какие сановники его окружают. Лишь привилегированные лица либо по праву рождения, либо по заслугам имели непосредственный доступ к монаршей особе. Король собрал вокруг себя наиболее могущественных представителей французской знати, принудил их вместо плетения

¹⁷ В настоящее время от парка сохранилась лишь незначительная часть размером 900 га, не дающая представления о былом великолепии.

сети заговоров занять свой ум соблюдением мелочных правил чрезвычайно строгого этикета. Людовик XIV не только создал его, но превратил в непреложную догму, сам подчинившись его правилам и став первейшим его рабом. Как писал наиболее известный мемуарист той эпохи герцог де Сен-Симон, «с календарем-справочником и часами за триста лье отсюда можно сказать, что сейчас делает король».

Каждое утро в 7.30 первый камердинер будит монарха, после чего следует церемония «малого подъема», на которой присутствуют несколько наиболее близких лиц. Далее следует «большой подъем»: короля облачают в одежды, он выпивает чашку бульона или настойки из трав. Около сотни придворных, министров, послов рвутся присутствовать при этом. Далее король следует в часовню на утреннюю службу и после нее в 11 часов председательствует на Совете, затем принимает послов. В 13 часов он обедает в своей комнате, причем за столом с ним имеют право сидеть только члены августейшей семьи. Кучка особо привилегированных лиц стоя с восторгом наблюдает этот спектакль. После принятия пищи монарх охотится или прогуливается до церковной службы, которая имеет быть в 17 часов. В 20 часов начинается «большой ужин» вместе с членами королевской семьи в присутствии избранных, чей список утверждается им. Затем король отдыхает до часа церемониала отхода ко сну. На другой день все повторяется заново.

Опытный придворный знает этикет как «Отче наш». Он ведает, что каждое отклонение – непростительный промах, который может дорого ему обойтись. Ему известны все права, которые дают чины и исключительные положения. Например, король всегда вкушает свои трапезы в одиночестве, принимать участие в них имеют право только члены его семьи по прямой нисходящей линии. Даже принцы крови имеют право сидеть за королевским столом лишь по случаю торжественных церемоний вроде королевских свадеб или иных исключительных случаев. Король осознает тщету подобных мелочных деталей, но возводит их в ранг предметов чрезвычайной важности, ибо таким образом занимает умы своих подданных. Малейшей милости с его стороны придается чрезвычайное значение, ее ценят, ее добиваются, ей завидуют, из-за нее разгорается смертельная вражда. Быть замеченным королем и приглашенным на одну из церемоний его повседневной жизни во дворце – цель и мечта любого придворного.

Основная задача придворного в Версале – людей посмотреть и себя показать. Если задача крупных вельмож состоит в том, чтобы понравиться королю и выказать свое усердие, то задача рядовых заключается в том, чтобы своим присутствием доказать принадлежность к когорте избранных. Ради этого они идут на все мыслимые и немыслимые жертвы. Жизнь при дворе влечет за собой непомерные расходы. Каждые пару лет следует обзаводиться новой одеждой, ибо мода не стоит на месте. Кроме этого, нельзя обойтись одним комплектом носильного платья. Учитывая весьма рудиментарное состояние гигиены, переодеваться приходилось несколько раз в день, дабы побороть запах пота. Чтобы отбить его, придворные немилосердно поливали себя духами, а для освежения дыхания жевали мятные пастилки. Сам Людовик XIV за всю свою жизнь выкупался всего лишь один раз, после операции, ибо по предсказанию должен был «принять смерть от воды»¹⁸. Тело августейшей особы обтирали винным спиртом. Дамы не мыли голову, поскольку в таком случае было легче укладывать волосы в прическу и на них лучше держалась пудра. Очень дорого стоили парики, в особенности, если они были с длинными волосами. Известен случай, когда превосходный живописец Антуан Ватто, воспевавший

¹⁸ Хотя гигиена в Версале была весьма рудиментарной, все же является преувеличением легенда о том, что во дворце совершенно отсутствовал туалет и придворные справляли все виды нужды в углах помещений и переходах. Существовали особые комнаты, оснащенные соответствующими сосудами, к которым был приставлен штат прислуги. Во время многочасовых проповедей особо модных священников дамы пользовались специальными узкими вытянутыми фарфоровыми емкостями цвета лазурита, типа молочников, которые подсовывали под юбки. Эти емкости назывались «вазы Бурдалу» по имени блестящего иезуита времен Людовика XIV, «проповедника королей и короля проповедников». Поскольку двор регулярно выезжал на неделю-две в другие королевские замки, в течение его отсутствия производилась тщательная генеральная уборка и необходимый ремонт.

искусной кистью эпоху рококо, сменял три свои картины на два парика. Опять-таки ничего удивительного, ибо на парадный парик времен Людовика XIV уходили волосы восьми женщин (парик высотой доходил до 12 см) и пропасть кропотливого ручного труда. Весил такой парик немало, в нем было невыносимо жарко, и мужчины, как правило, начисто сбрасывали собственную шевелюру и покрывали голову мазью на основе топленого свиного сала. Естественно, и парики, и прически кишели насекомыми. Разумеется, приходилось выкладывать кругленькие суммы за драгоценности, но, поскольку следовать изменяющейся каждую пару лет моде могли лишь уж очень богатые люди, придворные регулярно отдавали ювелирам в переделку только оправу своих украшений. От окончательного разорения дворян своевременно спасло гениальное изобретение эльзасского ювелира Жоржа-Фредерика Страсса, стекло с добавлением свинца, прекрасно имитировавшее бриллианты и тотчас же завоевавшее бешеный успех. Благодарное общество увековечило фамилию кудесника в нарицательном названии подделок, испускающих снопы искр, – стразы.

Разумеется, убранство короля должно было превосходить своей роскошью одеяния всех его вельмож, ведь он олицетворял собой самое могущественное государство Европы. Людовик XIV обожал бриллианты и приобрел их невиданное количество вплоть до того, что этими камнями был инкрустирован письменный прибор монарха. Бриллианты отнюдь не лежали празднично в сокровищнице королевства, а обильно украшали одежду монарха. Когда он носил траур по своему тестю, королю Испании, его камзол был настолько покрыт бриллиантом и жемчугами, что невозможно было понять, какого он цвета, настолько сильным оказалось исходившее от него сплошное сияние. В гардеробе Людовика XIV имелись четыре полных гарнитура для костюма: два – из бриллиантов (самый парадный состоял из 123 пуговиц, 300 брандесбуров¹⁹, 19 розеток в форме цветов для жюстокора, 48 пуговиц и 96 петель для жилета, аграфа для шляпы, подвязок, пряжек для башмаков, перевязи, шпаги и креста ордена Святого Духа), один – из жемчуга с бриллиантами и один – для повседневного ношения – из рубинов, сапфиров, изумрудов и желтых топазов. Отсюда становится понятным описание появления короля перед приемом персидского посла в феврале 1715 года в мемуарах Сен-Симона: «Король вступил в галерею... Его одеяние было украшено самыми прекрасными бриллиантами короны; там их было на двенадцать миллионов пятьсот тысяч ливров; он сгибался под их тяжестью». Престарелый король уже был не в состоянии носить на плечах такую тяжесть и после обеда сменил парадное одеяние на более легкое. Само собой, придворные по мере возможности пытались подражать своему владыке.

Откуда брались средства на всю эту безумную роскошь? Изыскать оные и составляло основную головную боль придворных. Поскольку единственным источником поступления денег для дворян в ту пору было извлечение доходов посредством хозяйствования на принадлежащих им землях, получался замкнутый круг: положение человека зависело от его присутствия при дворе, что влекло за собой отсутствие в поместье, а управляющие немилосердно надували своих хозяев. Поэтому характерной чертой всех придворных было то, что они по уши погрязли в долгах, причем не платить их считалось хорошим тоном. Как принято говорить, не вылезала из долгов знаменитая маркиза де Помпадур. Дело доходило до того, что, когда у нее возникала нужда в наличных деньгах, фаворитка была вынуждена отдавать на продажу что-нибудь из драгоценностей, подаренных ей королем. Когда она скончалась 15 апреля 1764 года всего лишь сорока трех лет от роду, в ящике ее письменного стола обнаружили лишь тридцать семь луидоров. Однако же потребовался целый год, в течение которого двое судебных исполнителей, работая ежедневно, составили опись около трех тысяч лотов, подлежащих продаже для уплаты долгов кредиторам, причем каждый состоял примерно из дюжины предметов: мебель, ковры, фарфор, статуи, картины, книги, одежда, драгоценности, столовое и постель-

¹⁹ Брандесбург – петлица на мундире, обшитая галуном или шнуrom.

ное белье, серебро. Подобным образом обстояли дела и у многих придворных. Когда во время Великой французской революции была конфискована собственность эмигрантов и путем ее распродажи республика надеялась поправить свое ужасающее финансовое положение, из этого практически ничего не вышло: тут же налетали тучи кредиторов со счетами, не оплаченными в течение двух-трех десятилетий. Счета за торжества по случаю свадьбы будущего Людовика XVI с австрийской эрцгерцогиней Марией-Антуанеттой в мае 1770 года так и остались неоплаченными. Опять же долги придворных ставили их в зависимость от короля, им приходилось кланяться у монарха пенсию, ренту, должность.

Величайшая милость, дарованная королем, – разрешение проживать в Версальском дворце. За каждую «крысиную нору», как писал современник, шла борьба не на жизнь, а на смерть. Во времена Людовика XIV во дворце размещалось около 6 000 человек. Те, кому не повезло, либо строили собственные особняки в деревне, либо арендовали там жилье, либо проживали в гостинице, либо сновали между дворцом и Парижем. Версаль стремительно превратился из деревни в городок, поскольку указом от 1671 года Король-Солнце предоставлял в распоряжение всем лицам, обратившихся к нему, места для постройки, свободные от налогов и не подлежащие никакому обременению. Возведенные дома не могли быть ни арестованными, ни проданными за долги в результате судебного решения. Это положение продержалось да 1713 года, и благодаря ему бывшая деревня скорехонько заселилась, а знать волей-неволей перетекла к новому двору.

Откуда придворные, у которых порой за душой кроме долгов ничего не было, брали средства для существования? Они прибегали ко всевозможным уловкам, чтобы урвать хоть что-нибудь от огромных сумм, вращавшихся при дворе. Государственный секретарь по финансам с целью изыскания дополнительных источников денежных поступлений постоянно обращался к королю с просьбой учредить новые должности, которые можно было бы продать желающим. Вакансии эти стоили очень дорого. Доход они приносили незначительный, но давали купившим их почетные привилегии, обеспечивали уважение, освобождение от налога, переход в чиновничье сословие, возможность выгодно жениться. Так появились должности управляющего карпами его величества, начальника кубка королевы и тому подобные. «Каждый раз, когда ваше величество учреждает должность, Господь создает дурака, готового купить ее!» – шутил главный контролер финансов Поншартрен. Дураков с деньгами находилось немало, ибо, как смехотворно ни звучало название такой должности, она давала престиж в обществе, а вместе с ним надежды на удачную женитьбу, карьеру для детей и тому подобное.

Как только придворный пронюхает о такой новой должности, он поспежит сообщить об этом тому, кого это может заинтересовать, – за известную мзду. Даже будто бы отрешенная от житейской прозы фаворитка Луиза де Лавальер брала деньги за передачу прошений королю.

Знатные дамы всю занимают сватовством и берут комиссионные в зависимости от величины приданого невесты. Другие продают билеты на королевские праздники. Например, принцесса д'Аркур брала за приглашение на праздник в Марли шесть тысяч ливров. Не терялась и прислуга, успешно сбывая на сторону недоеденное съестное с королевского стола и поношенную одежду (траурными одеяниями в случае утрат в августейшей семье придворных обеспечивали за счет монарха). Неудивительно, что мадам де Моттвиль²⁰ писала в своих мемуарах: «Королевский дом суть большой рынок, где необходимо торговать всем для поддержания жизни и для пользы тех, с кем мы связаны узами либо долга, либо дружбы». Естественно, что для обретения возможностей извлечения какой-то материальной выгоды придворные были вовлечены в бесконечные интриги политического свойства, ибо от усиления или ослабления

²⁰ Моттвиль, Франсуаза Берто де, (1621–1689) – придворная дама Анны Австрийской, написала «Мемуары с целью использования для истории Анны Австрийской с 1615 по 1666 г».

влияния какого-либо клана напрямую зависела вероятность, что и тебе перепадет малый кусочек от покровителя.

Уповая на милость фортуны, можно попытаться счастья за карточным столом. В Версале, при том что во всех прочих местах игра в карты запрещена, играют много и по-крупному. Любовница Короля-Солнца маркиза де Монтеспан делала ставки по миллиону ливров. Известен случай, когда маркиза де Помпадур выиграла восемьсот сорок тысяч ливров, которые ей, по уши погрязшей в долгах, пришлось весьма кстати. Однако и проигрывать ей приходилось немало. Фрейлины жены Людовика XIV, королевы Марии-Терезии, увлекавшейся картами, пользуясь ее простотой, потихоньку мошенничали при игре с повелительницей, дабы возместить свои расходы на туалеты. Играли не только за столом короля – придворные с утра до вечера резались в карты между собой.

Но и пышному Версалу пришлось изведать всю горечь заката. 1 сентября 1715 года ушел в мир иной Король-Солнце, чьему правлению, казалось, не будет конца. Единственный наследник – четырехлетний правнук, герцог Анжуйский, будущий Людовик XV. Регент при малолетнем наследнике, герцог Орлеанский, не любил Версаль, где ему пришлось перенести столько унижений²¹. Под тем предлогом, что наследник престола – дитя хворое и воздух Версала вредит его здоровью, он отправил малолетнего дофина в Венсенский замок. А как поступить с дворцом? Герцог де Ноай даже предложил снести его, а все ценные предметы перевезти в замок Сен-Жермен. Однако это предложение сочли невыполнимым, и дворец остался стоять необитаемым, хотя и не совсем опустевшим. В нем разместилось ведомство надзора за королевскими строениями, функционировали конюшни и школа пажей.

Однажды во дворце пришлось разместить высокого гостя. В 1717 во Францию прибыл с официальным визитом русский царь Петр I. Помимо всяких государственных дел он также лелеял надежду достичь соглашения о заключении в будущем брака между несовершеннолетним наследником и своей дочерью Елизаветой. Он захотел разместиться именно во дворце Короля-Солнца, каковое пожелание поспешили удовлетворить. 2 мая Петр прибыл в Версаль. Его принял герцог д'Антен, занимавший в ту пору должность надзирателя за королевскими строениями. Для высокого гостя в спешке подготовили апартаменты королевы, и царь Петр спал в одном из малых кабинетов. На другой день он совершил прогулку в гондоле по Большому каналу. Царь посетил зверинец, дворец в Трианоне, где переночевал на второй день. Петр прожил в Версале неделю. Для услаждения своей особы царь привез с собой несколько непотребных девок. Их разместили рядом с ним в апартаментах известной своим благочестием морганатической супруги Короля-Солнца мадам Ментенон, чем несказанно огорчили нескольких верных слуг короля, все еще остававшихся коротать свой век во дворце.

В течение семи лет дворец содержался в большом небрежении, ибо регент сильно урезал отпускаемые на него суммы, и в помещениях уже начала воцаряться библейская мерзость запустения. Однако в 1722 году юный король возвращается в Версаль. Сначала Людовик XV пользуется только помпезными покоями своих предшественников, предназначенными сугубо для официальных целей. С 1738 года он начинает создавать свои личные покои, так называемые «кабинеты короля». В конце концов, под них оказалось занято общим счетом пятьдесят помещений и семь ванных комнат. В первую очередь были оформлены рабочий кабинет, библиотека, отдельные столовые для зимнего и летнего времени. Там есть также помещения, оснащенные всеми необходимыми инструментами для любимых занятий короля, таких как резьба по слоновой кости. Для этих интерьеров характерны прихотливые изгибы линий, легкие капризные формы, радостные светлые краски. Приятность глазу получает преимущество перед роскошью и помпой вычурных парадных покоев. Царствует стиль рококо, или Луи Пятнадцатого.

²¹ В частности, Людовик XIV заставил его жениться на своей внебрачной дочери от мадам Монтеспан, красавице мадмуазель Блуа.

Самым важным элементом украшения является мотив раковины с дальних морей. Именно в ней передвигается Афродита, богиня-покровительница этой эпохи бездумной погони за наслаждениями.

Постепенно двор восстанавливается во всем его былом великолепии. Король весьма строго следует этикету своих пращуров, по его выражению «я не хочу разрушать то, что построили мои предки». Правда, незначительные изменения в него он все-таки внес. Сюда относится завтрак перед мессой (в отличие от символической трапезы Короля-Солнца он стал довольно плотным), после церковной службы Людовик XV работает с министрами. Король редко принимает участие в заседаниях Совета, он предпочитает использовать это время для работы с документами и корреспонденцией. Представительские мероприятия отодвигаются им на послеобеденное время. Ежедневная обеденная трапеза короля теперь длится не более часа, причем в отличие от своего прадеда²² он ест так мало, что прислуга зарабатывает недурные деньги на продаже остатков с королевского стола. Затем, почти при любой погоде, начинается ежедневная охота. Примерно в 17 часов охотники возвращаются. Время после ужина посвящается удовольствиям. Людовик предпочитает музыке театр. Пятница и воскресенье посвящены игре в карты, которой король отдается с большим увлечением. По воскресеньям монарх заслушивает отчет своего почтового контролера, так называемого «черного кабинета». В этой службе трудятся шесть специалистов по вскрытию писем, которое для адресата остается незамеченным. Все это делается для безопасности государства, ибо некоторые министры норовят плести опасные интриги. Так что король в курсе многих забавных скандалов, однако никогда не использует эти сведения.

В 1768 году Версаль столь же пышен, как и при Короле-Солнце. Как писал Казанова, «богами, которым поклонялись там, были Новизна и Мода». Вечная погоня дряхлеющего века за новыми ощущениями для вырождающегося дворянства! Но нынешнего короля не радуют ни балы, ни охота, ни прекрасные придворные дамы. Король скучает...

²² Тут стоит упомянуть, что его прадед отличался отменным аппетитом: обычно он съедал за обедом четыре глубоких тарелки супа, целого фазана, куропатку, несколько толстых ломтей ветчины, баранину с подливкой, несколько сваренных вкрутую яиц, большое блюдо салата, тарелку кондитерской выпечки и фрукты.

Детские и юношеские годы Людовика XV

Последние годы жизни Короля-Солнца были омрачены целой чередой потерь в его семье. Он даже был вынужден сократить периоды траура, имевшие согласно его суровому этикету определенную продолжительность в зависимости от ранга усопшего. Даже траурные одежды монарха в малейших деталях должны были соответствовать определенному цвету или длине. Больше всего потрясла Людовика XIV смерть дофина, наследного принца, его старшего сына (у него было всего шестеро детей, пятеро из которых скончались в нежном возрасте) в 1711 году. 11 февраля 1712 года в течение недели оспа унесла жизни внука и его жены, герцога и герцогини Бургундских. Было решено увезти в другое место их сына-младенца, герцога Анжуйского (будущего Людовика XV), но его воспитательница, герцогиня де Вантадур, заперлась в отведенных царственному отпрыску покоях и заявила, что ни за что не отдаст своего подопечного. Оказалось, что таким образом она спасла ему жизнь, ибо 8 марта умер пятилетний новый дофин, правнук короля, герцог Бретонский. 3 мая 1714 года ушел в мир иной последний внук короля, герцог Беррийский. Когда немного позже королю принесли четырехлетнего герцога Анжуйского, он взял его на руки, залился слезами и пробормотал: «Вот все, что осталось от моей семьи».

Естественно, психика ребенка, воспитывавшегося среди взрослых неродных ему людей, да еще и в постоянном внушении его особого положения и преклонения окружающих перед ним, никак не могла быть нормальной. До семи лет будущий король, облаченный по тогдашнему обычаю в одежду девочки, воспитывался герцогиней де Вантадур, питавшей к нему почти что материнскую нежность. Далее его передали маршалу Виллеруа, который поставил перед собой задачу сделать из него настоящего мужчину.

Уже в семилетнем возрасте дофину начали подыскивать невесту, естественно, руководствуясь чисто политическими соображениями. Первоначально традиционно была выбрана испанская инфанта, но затем политические предпочтения претерпели изменения, и помолвку расторгли.

Подросток рос дурно воспитанным, заносчивым и в то же время робким и нерешительным. За его воспитание взялся кардинал Флери, в ту пору епископ Фрежюса. Воспитание было, разумеется, религиозным, наследник престола часто и охотно исповедался, с удовольствием ходил на службу в церкви, умиляя людей своим сосредоточенным видом во время религиозных процессий. Он истово занимался благотворительностью и охотно делал пожертвования.

Маленький король с невинной душой 25 октября 1722 года был коронован в Реймсе. Церемония помазания на царство лишь углубила его набожность. Он по-детски боялся мук адовых и проявлял такую стыдливость, что регенту пришлось призадуматься, стоит ли ему вводить свою любовницу в Версаль.

В 1723 году регент скоропостижно скончался в объятиях своей любовницы, герцогини де Фалари. Полагают, что именно она весной 1724 года лишила юного короля девственности.

После довольно длительного изучения множества кандидатур европейских принцесс была выбрана дочь потерявшего трон короля Польши Станислава Лещинского. Мария явно засиделась в девушках (ей исполнилось 23 года), жила с отцом в изгнании в Виссембурге и была на 7 лет старше жениха. 5 сентября 1725 года состоялась свадьба, и в первую брачную ночь новобрачный семь раз исполнил свой супружеский долг. Мария была столь же набожна, сколь и молодой муж, и стала образцом внимательной, покорной и исполненной христианских добродетелей супруги. В двадцать лет король уже был отцом пятерых детей. Далее последовало рождение еще четырех дочерей. Известны горестные слова королевы, которыми она подвела итог своей супружеской жизни: «Вечная постель, вечная беременность, вечные роды».

Верность Людовика XV королеве раздражала двор, ибо за время регентства нравы настолько пали, что подобное добродетельное сосуществование монаршей четы выглядело вызовом. Но с 1733 года между супругами возникло некоторое охлаждение. Мария ставила мужу в вину, что тот недостаточно рьяно защищает претензии ее отца на польский трон, и изрядно утомляла его своими жалобами. После неудачной десятой беременности в 1738 году королева отказалась дать мужу доступ в свою спальню.

Так бесславно закончилась эра супружеской верности короля.

Превратности королевской любви

Окружение короля, давно поджидавшее этого момента, возликовало. Первым, кто поспешил воспользоваться открывшимися блестящими возможностями подсунуть Людовику свою ставленницу и обрести неоспоримое влияние при дворе, оказался герцог де Ришелье.

Уже было замечено, что монарх питает некоторую склонность к чарам маркизы Луизы-Жюли де Майи, урожденной мадмуазель Нельё. Будучи представительницей старинного дворянского рода из Пикардии²³, она по праву состояла в штате фрейлин королевы. Молодая женщина была далеко не красавицей (по свидетельству современника, дама имела «длинное лицо, таковой же нос, большой и высокий лоб, немного плоские щеки, большой рот, цвет лица скорее желтоватый, нежели белый, довольно красивые глаза, весьма живые, но с несколько жестким взглядом; звук голоса грубый, горло и руки безобразные; тощая, походка решительная, но лишенная как грации, так и благородства»), но великое искусство принарядиться, обворожительное обхождение и приятный разговор делали ее общество весьма соблазнительным. При этом она была искренне влюблена в короля – и не удивительно, ибо тот заслуженно считался одним из красивейших мужчин Франции, – и чистосердечно не скрывала этого.

То ли за недостатком нужной сноровки, то ли по причине полного отсутствия склонности к низменным интересам, фаворитка не извлекла никаких материальных выгод из этой связи. Современники утверждали, что эта дама была бедна как церковная мышь и вынуждена облачаться в заношенные и дырявые исподние рубашки. Тем не менее такое бескорыстие не мешало окружающим самым безжалостным образом порицать ее.

Эта связь совершенно изменила сексуальную жизнь еще молодого мужчины в полном соку. Вместо обязательного исполнения супружеского долга и долга перед государством (прошлые трагедии наглядно продемонстрировали важность надежного обеспечения французской короны наследниками) она распахнула перед ним врата храма радостей плотской любви. Ошеломленный этим открытием, Людовик XV первоначально ударился в разгул. Его дурной славы камердинер Гийом Лебель начал водить к нему в спальню девушек и проституток. Все это кончилось тем, что некая дочь мясника заразила короля венерической болезнью, лечиться пришлось весьма серьезно, и после этого эпизода Людовика XV до самой смерти преследовал страх вновь подцепить эту постыдную хворь. Он решил впредь держаться общества придворных дам, и вскоре оставил маркизу ради ее собственной сестры Полины-Фелисите, в замужестве мадам де Вентимиль, родившую в результате этой связи мальчика, который со временем вырос в красавчика графа де Люка. За потрясающее сходство с августейшим родителем придворные остряки впоследствии наградили его прозвищем «Полулюдовик». К сожалению, мать ребенка через несколько дней скончалась от послеродовой горячки, и его вырастила тетка, первая обласканная и затем отвергнутая из сестер Нельё, Луиза-Жюли, маркиза де Майи.

Кончина Полины-Фелисите произвела глубочайшее впечатление на короля: он на некоторое время отказался от распутства, искал утешения в религии и потряс двор своим раскаянием и рвением, проявленными в ходе церковных служб.

Этим перерывом ловко воспользовался герцог Ришелье, подсунув своему другу третью сестру Нельё, 23-летнюю прелестницу вдовую маркизу Мари-Анну де Латурнель. Людовик все еще скорбел по бывшей фаворитке, к тому же мадам де Латурнель, женщина не только краси-

²³ Сестры Нельё приходились правнучками Гортензии Манчини (1646–1699), в замужестве герцогини де Мазарен, племянницы знаменитого кардинала Мазарини, которую считали одной из самых красивых, пленительных и распутных женщин того времени. Помимо множества скандальных романов, она побывала также любовницей английского короля Карла II и князя Монакского. Матерью сестер была маркиза Арманда-Фелиси де Майи-Нелье (1691–1729), которая состояла в любовницах герцога де Ришелье. Не желая делить его склонность с соперницей, виконтессой де Полиньяк, она стрелялась с ней на дуэли и была ранена в плечо.

вая, но и умная, не пожелала поддаться безоговорочно и сразу, но хотела, чтобы ее завоевывали, чем королю было заниматься лень. Оскорбленная изменой горячо любимого мужчины, отринутая маркиза де Майи покинула двор и удалилась в монастырь.

Дела мадам де Латурнель поначалу обстояли неважно, а потому она привлекла к услужению королевской особы двух других сестер Нелье́, маркизу Ортанс-Фелисите де Флавакур и герцогиню Диану-Аделаиду де Лорагэ. Придворные сплетники, прикрывая рты ладонями и веерами, шепотом уверяли, что король остался равнодушен к чарам обеих.

Мадам де Латурнель решила в одиночку пожать плоды этого семейного подряда и выставила неслыханные требования: личные апартаменты во дворце, 50 000 экю пожизненной пенсии и внушительный титул с соответствующим уделом – герцогство Шатору с землями, приносившими доход солидный, но далеко недостаточный для покрытия долгов этой мотовки. На тот случай, если она забеременеет, это не должно скрываться, а рожденный ребенок подлежит узаконению. Людовик поклялся удовлетворить все эти пожелания (что и было незамедлительно сделано). Уже на следующий день красавица показала придворным дамам табакерку короля и небрежно обронила, что монарх забыл сей драгоценный предмет в ее постели.

Новоиспеченная герцогиня де Шатору возжаждала славы и охотно позволила использовать себя для политических целей. Ей хотелось, чтобы ее любовник отличался не только местом, которое занимал, но и ролью, сыгранной им в истории. Эта дама подтолкнула его присоединиться в качестве союзника к войне за австрийское наследство и, когда монарх отправился во главе войска на осаду города Ипра, последовала за ним, прихватив с собой сестрицу, герцогиню де Лорагэ, что вызвало жестокое порицание общества.

Попытка вторжения в Эльзас привела короля в город Мец, где он расположился в местном дворце, а герцогиня с сестрой была размещена в аббатстве неподалеку. Для облегчения свиданий монарха с его пассией между двумя строениями, к великому негодованию местных обывателей, была спешно сооружена крытая галерея из досок. Видимо, гнев обитателей Меца по поводу совершавшегося у них буквально на глазах прелюбодеяния был настолько силен, что навлек на короля кару небесную: он тяжело заболел. Герцогиня де Шатору попробовала с помощью своей сестры воздвигнуть преграду между королем и окружающим миром, но этого не допустил епископ Суассонский, монсиньор Фиц-Джеймс, потребовавший от Людовика отказаться от любовницы и выслать обеих герцогинь из города. Дамы покинули военный лагерь под улюлюканье и оскорбительные выкрики толпы. Умиравший самодержец исповедался, и свершилось диво: после торжественного молебна, отслуженного в присутствии срочно прибывшей из Парижа королевской семьи, больной, признанный докторами безнадежным, чудесным образом исцелился. Болезнь Людовика XV пробудила искреннее сочувствие в народе. Король триумфально возвратился в Париж, встреченный ликующей толпой, которая отныне называла его не иначе как «Людовик Возлюбленный». Но он никак не мог сбросить с себя оковы чар, наложенные на него герцогиней де Шатору, и упал к ее ногам, умоляя возвратиться в Версаль. Та согласилась при условии, что ее враги будут жестоко наказаны. Монарху не оставалось ничего другого, как согласиться. В частности, епископ Суассонский был отправлен в свою епархию, где вскоре скончался.

Однако герцогиня внезапно слегла и через неделю, невзирая на бесчисленные мессы за ее здоровье, отслуженные в королевской часовне, покинула земную юдоль скорби и печали. Царственный возлюбленный горько оплакивал кончину обожаемой женщины, пока не повстречал очаровательную даму, Жанну-Антуанетту, жену некоего Ленормана д'Этиоля, казначея Монетного двора. Она была дочерью мещанина Пуассона, бывшего интенданта братьев Пари, осужденных за махинации при поставках для армии. Еще в юном возрасте гадалка предсказала девочке, что ей судьбой суждено стать почти что королевой. Состоятельная родня серьезно отнеслась к этому прорицанию и беспрекословно оплатила первоклассное образование Жанны. Надо сказать, что эти вложения окупились сторицей, когда пророчество гадалки сбылось и

маркиза де Помпадур поистине по-королевски облагодетельствовала всех своих близких. Научкам, пению, музыке и танцам девочку обучали лучшие педагоги Парижа. Далее хорошенькая и неглупая барышня обогатила свои знания и набралась светского опыта, посещая довольно престижный парижский салон мадам Тенсен.

Вот как расцвела красота мадмуазель Пуассон в период ее свадьбы:

«Роста выше среднего, стройная, гибкая, элегантная; идеальный овал лица, гармонирующий с ее ростом; красивые светло-каштановые волосы, такого же цвета густые ресницы; нос совершенной формы, очаровательный ротик, очень красивые зубы и самая восхитительная улыбка. Прекраснейшая в мире кожа придавала еще больший блеск ее статям. Неопределенный цвет ее глаз, казалось, способствовал всем видам обольщения и последовательно отражал все выражения чрезвычайно подвижной души. Игра ее лица была бесконечно изменчивой, но разногласия между чертами ее лица никогда не улавливалось; все согласно служило единой цели, что предполагает полное обладание хозяйки самой собой. Ее движения были в совершенной гармонии со всем остальным, и общее впечатление от сей особы, похоже, являло собой некое сочетание между последней степенью элегантности и первой – благородства».

Вокруг красавицы увивался целый сонм поклонников, но она отталкивала их одним и тем же высказыванием: «Я не обману своего мужа ни с кем, за исключением, может быть, короля».

Обстоятельства встречи короля и Жанны так и остались покрыты мраком неизвестности. Однако эта дама не сразу уступила страсти монарха и, преувеличивая ревность мужа, заявила, что уходит от него. Покинувшая супруга жена получила титул маркизы де Помпадур и соответствующее поместье в Лиможе, ибо последний отпрыск этого дворянского рода достиг преклонных лет и, за отсутствием наследников, имуществу грозило остаться выморочным. Маркиза воцарилась в Версале в апартаментах мадам де Шатору и была представлена ко двору, чем вызвала немалое возмущение придворных из-за своего мещанского происхождения. Началось длительное правление этой фаворитки, забравшей в руки невиданную власть над королем и его приближенными.

Самое поразительное заключается в том, что как любовница мадам Помпадур оказала свою полную несостоятельность. Во-первых, эта женщина была совершенно лишена чувственности и прибегала ко всем возможным средствам, дабы побороть свою фригидность, ежедневно поглощая устрицы, шоколад с корицей, трюфели, суп из сельдерея. Во-вторых, судьба наградила ее слабым здоровьем, и желанию родить ребенка от короля так и не суждено было сбыться. После нескольких выкидышей маркиза поняла, что от этой мечты придется отказаться. Однако, благодаря своему уму и тонкому знанию человеческой психологии, она сумела удерживать любовника почти в течение двадцати лет иными средствами, частично сняв с него тяготы управления королевством и бесконечно разнообразя его жизнь. Мадам Помпадур успешно прогоняла терзавшую Людовика XV скуку, которой тот страшился более всего на свете.

Поначалу ей пришлось несладко, ибо знать не могла простить ей низкого происхождения, оскорбившись, что маркиза заняла то место, о котором мечтали самые высокородные дамы. Однако же новая пассия короля быстро продемонстрировала окружающим, что сдаваться без боя она не намерена и не собирается успокаиваться, пока не уничтожит лицо, покусившееся на ее высокое положение. Вельможи де Ришелье²⁴ и Морепа сделали попытку манипулировать

²⁴ Герцог де Ришелье не в последнюю очередь впал в немилость еще и потому, что нашел способ отказать маркизе в ее честолюбивом устремлении устроить в будущем брак сына этого вельможи, герцога де Фронсака, с дочерью Помпадур Александриной. (Фаворитка мечтала выдать ее замуж за побочного сына короля от мадам де Вентимиль, графа де Люка,

ею, но потерпели поражение. Ришелье отступил, дабы не потерять свое положение при дворе; Морепе же за дерзкую эпиграмму был отправлен в изгнание, и возвращение в Версаль было ему заказано вплоть до конца правления Людовика XV.

Маркиза прекрасно изучила сексуальные пристрастия своего возлюбленного и его требования, которым она не удовлетворяла, а потому смирилась с мыслью потерять любовника, дабы сохранить короля. Как только придворные дамы пронюхали о неладах между монархом и фавориткой, они вострепнулись и постарались ухватиться за эту возможность попытаться счастья. Пара увлечений короля продлилась недолго, но обстановка серьезно обострилась, когда против маркизы начала интриговать ее собственная подруга, графиня д'Эстрад, любовница люто ненавидевшего мадам Помпадур военного министра графа д'Аржансона. Она задумала уложить в постель короля свою племянницу, очень красивую молодую женщину, графиню де Шуазель-Бопре, родственницу графа де Шуазель-Стенвилля, каковой титул он носил в то время. Король воспылал к ней бешеной страстью, наивная женщина уверовала в то, что сможет сместить маркизу с ее места официальной любовницы, и поделилась этим замыслом с родственником. В то время граф служил в армии и был, таким образом, удален от центра власти, каковым являлся Версаль. (Кстати, офицеры, служившие в столичных воинских частях, часто покидали свои полки, чтобы принимать участие в придворной жизни. Маркиза де Лувуа²⁵ это выводило из себя, и как-то он заявил капитану, чье подразделение пребывало в ненадлежащем состоянии:

– Сударь, надо принять решение: либо вы становитесь придворным, либо освобождаетесь от обязанностей офицера.

Однако офицеры предпочитали скорее оставить свой полк, нежели двор – карьеру можно было быстрее сделать, слоняясь по паркету там, нежели проливая кровь на полях сражений.)

Шуазель быстро воспользовался моментом и передал маркизе де Помпадур письма короля, украденные у своей простодушной родственницы. За это он был вознагражден должностью посла в Риме, положившей начало блистательной карьере, которая три года спустя принесла ему герцогский титул и должность министра иностранных дел. (И это при том, что внутренне он до чрезвычайности презирал фаворитку за ее мещанское происхождение.) Мадам де Помпадур предоставила королю все доказательства того, что молодая возлюбленная слишком несдержанна, и добилась ее изгнания. Графиня де Шуазель-Бопре через девять месяцев скончалась после родов, не дожив до двадцати лет. Маркиза же торжествовала, ибо король пожаловал ей титул герцогини, тем самым лишней раз доказав, что не может обойтись без нее.

Мадам де Помпадур поняла, что человек, которого она любила, не предъявлял такие уж высокие требования к представительницам прекрасного пола. Просто необходимо было удовлетворять его стремление к непрерывному возбуждению, достигаемому постоянной сменой женщин, обладанием новой, свежей плотью. Примерно с 1752 года маркиза самолично серьезно занялась организацией этого вида досуга короля, который прежде весьма кустарно обеспечивал его камердинер Доминик-Гийом Лебель (1696–1768).

но Людовик XV также не соизволил дать своего согласия на этот союз.) Вскоре дочь маркизы скоростижно скончалась в возрасте 10 лет.

²⁵ Франсуа-Мишель де Летелье, маркиз де Лувуа (1639–1691) – крупный французский государственный деятель, помимо всего прочего вместе с отцом занимался реорганизацией армии.

Нимфы «Оленьего парка» и поиски истинной любви

«В дворцовом парке, как некогда при Короле-Солнце, Людовике XIV, селили девушек, отобранных по указаниям Помпадур. Институт мадам Помпадур был устроен по всем правилам аристократических учебных заведений. Девушек обучали, одевали и воспитывали соответственно «вкусу короля». Обычно, чтобы не иметь соперниц, Помпадур не задерживала уже испробованные плоды, и они либо бесследно исчезали, либо отправлялись в монастырь и лишь как исключение возвращались к родным».

По поводу этого заведения много злословили, со временем и многое приукрасили. Из него то изображали натуральный сераль, то возводили в ранг некоего учебного заведения, куда якобы стремились отдать своих дочерей придворные. На самом деле все выглядело намного прозаичнее.

После истории с заболеванием, подцепленным у дочери версальского мясника, Людовик XV настолько панически боялся заразы, что было решено привлекать для его услаждения как можно более юных девушек, лет четырнадцати-пятнадцати или даже моложе. Приводить их во дворец через комнату камердинера было сочтено опасным, ибо под угрозу ставилась репутация короля. Был приобретен небольшой дом в Версале, расположенный между двумя улицами, на бывшей территории оленьего парка, заложенного еще Людовиком XIII. Этим любопытным заведением под псевдонимом Дюран заправляла некая мадам Бертран, ей были приданы в услужение полугорничная-полууборщица и повариха. Здание состояло из четырех комнат на первом этаже и четырех – на втором. Обычно там проживали не более двух девушек, которые наивно считали, что к ним в сумерки приходит развлекаться какой-то богатый владелец замка²⁶.

Наиболее известной из обитательниц этого дома является так называемая «Морфиза», Мари-Луиза О'Мерфи, дочь ирландского сапожника. Она чрезвычайно нравилась королю, возможно, он даже испытывал к ней какие-то чувства. В 1754 году Мари-Луиза родила дочь, и августейший любовник избавился от красотки, выдав ее замуж за бедного дворянина из Оверни, – так поступали, в основном, со всеми использованными девицами, снабдив этот траченный товар приличным приданым, а наскоро окрещенного ребенка – пожизненной рентой. Возможно, имя этой особы так и кануло бы в Лету, если бы один из лучших художников эпохи рококо Франсуа Буше не увековечил бы своей искусной кистью обнаженную девушку на полотне, которое ныне считается одним из его самых выдающихся творений.

Место Мари-Луизы заняла ее младшая сестра Брижитт – повторилась история сестер Нельё, и заново воскресли пересуды о склонности короля к кровосмесительным связям. Таким образом, в течение долгих лет, когда Людовик находился под присмотром мадам де Помпадур, та бдительно следила, чтобы у него не было серьезной связи с особой сильного характера или большого ума. Поэтому король все долгие годы царствования маркизы не мог познать радости зрелой любви, разделенной с женщиной, которую ценил бы. У Людовика не было осознания того, что он является таким же мужчиной, как и все прочие.

Невзирая на регулярные посещения «Оленьего парка», внимание короля время от времени привлекала какая-нибудь дама при дворе. В 1759 году Людовик под предлогом визита в

²⁶ Однако полностью сохранить инкогнито королю так и не удалось. Как-то, переодевшись для очередного визита в «Олений парк», Людовик забыл снять голубую орденскую ленту. В другой раз чрезвычайно шустрая девица обшарила его карманы и украла два письма, из которых узнала истинное имя посетителя. Когда 5 января 1759 года на короля было совершено покушение, с ней случился истерический припадок; проявлявшую признаки безумия девушку отправили в больницу для умалишенных.

«Олений парк» частенько в небольшом экипаже отправлялся в Пасси, где наслаждался обществом некой мадмуазель Роман, которая довольно продолжительное время состояла монаршей любовницей. Она наотрез отказалась переехать в «Олений парк» и получила роскошное содержание. Не считая пожизненной ренты, эта дама, родившая королю сына, обошлась казне почти в миллион ливров. Вообще считается, что число детей, рожденных от этих непродолжительных связей Людовика XV, составляет восемь человек; ни один из них не был признан им, хотя некоторые, подобно сыну мадмуазель Роман, который впоследствии стал аббатом, были обеспечены внушительным содержанием.

После кончины маркизы в 1764 году (в качестве особой милости ей было разрешено умереть в Версале, где смерть как будто бы не существовала вообще), король продолжает навещать заветный домик, но эти пресные приключения не тешат его. Людовика все больше гнетет печаль, и он не скрывает от окружающих свою скуку. Ему горько осознавать прозаичность и изменность своих походов. Как писал один из современников, «он стал слишком ленив, чтобы серьезно заниматься делами, слишком пресыщен, чтобы получать удовольствие от развлечений».

Естественно, вопрос о том, кто займет место «официальной любовницы» короля, имел для двора первостепенную важность. Поскольку по традиции ею обязательно должна быть дворянка, то, естественно, ей непременно было суждено представлять интересы определенного клана. То клан Шуазёля, то клан принца Роган-Субиза пытался запустить в спальню короля свою кандидатуру, но неудача преследовала и тех, и других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.